

ОТЪ РЪДНАНІИ
ВЛАДИМІРСКІЯ

Годъ **XLVII**-й.

26-го ноября 1911 г.

ВЛАДИМІРСКІЯ

Епархіальныя Вѣдомости.

№ 48-й.

ВЫХОДЯТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна безъ пересылки.

На годъ: въ корешкѣ. . 5 р. — к.

Цѣна съ пересылкой и доставкой:

На годъ: въ корешкѣ. . 5 р. 50 к.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Епархіальныя извѣстія.

Праздныя мѣста—священническое—при церкви с. Иворова, Юрьевского уѣзда.

Діаконскія—въ селахъ: Синжанахъ, Меленковского уѣзда и Павловскомъ, Владимірскаго уѣзда.

Псаломщическія—въ слободѣ Холуй, Вязниковскаго уѣзда и погостѣ Благовѣщенскомъ, Александровскаго уѣзда.

Священники: села Ильинскаго, Переславскаго уѣзда, Димитрій Охотинъ и села Пожарскаго, того же уѣзда, Іоаннъ Якиманскій, 17-го ноября, перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Для своевременной доставки подписчикамъ №№ будущего 1912 года, Редакція убедительнѣе проситъ о.о. благочинныхъ и частныхъ подписчиковъ не медлить присылкой заявленій о высылкѣ Вѣдомостей и слѣдующихъ подписныхъ денегъ. Заявленія о перемѣнѣ адресовъ Редакція покорно проситъ доставить не позже 15 декабря.

Подписная цѣна на Епархіальныя Вѣдомости остается прежняя—5 руб. безъ пересылки и 5 руб. 50 к. съ доставкой и пересылкой.

ВЛАДИМІРСКІЯ

Епархіальныя Вѣдомости

26-го ноября

№ 48.

1911 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

М. В. Ломоносовъ.

(Очеркъ его жизни и литературной дѣятельности).

(Окончаніе).

Въ Петербургѣ Ломоносовъ былъ встрѣченъ съ нѣкоторою предупредительностію, почти съ любезностію. Этимъ онъ обязанъ былъ секретарю Академіи Наукъ Шумахеру, человѣку тонкому и наблюдательному, который по присланнымъ изъ заграницы ученымъ диссертациямъ и стихотворнымъ опытамъ угадалъ въ Ломоносовѣ человѣка исключительныхъ дарованій. Ему отведена была квартира въ домѣ, принадлежащемъ Академіи Наукъ, на Васильевскомъ островѣ. Шумахеръ рекомендовалъ его особенному вниманію профессора Аммана, который, въ цѣляхъ испытать знаніе молодого ученаго, поручилъ ему разобраться въ коллекціи минераловъ, находящихся въ академическомъ кабинетѣ. Но вся эта предупредительность явилась лишь ловкимъ поворотомъ въ сторону отъ выполненія ранѣе данныхъ обязательствъ по отношенію къ Ломоносову. Еще при отправленіи за границу Академія Наукъ обѣщала ему, при успѣшномъ окончаніи курса, профессорское званіе, а на дѣлѣ ограничилась только какими-то мало интересными порученіями. Испытавъ столько лишеній и затрудненій при образованіи и принеся не мало тяжелыхъ жертвъ для науки, Л., по возвращеніи изъ-за границы, готовъ былъ со всей энергіей послужить интересамъ русскаго просвѣщенія и сразу разочаровался, встрѣтивъ въ академической администраціи плохо замаскированный тормазъ на пути къ широкому развитію своей научной дѣятельности. Ломоносовъ не безъ основанія подозрѣвалъ здѣсь интригу профессоровъ нѣмцевъ, которымъ принадлежала руководящая роль въ Академіи Наукъ и которые въ лицѣ русскаго ученаго заранѣе предвидѣли противодѣйствующую силу. Первое разочарованіе Л. оставило глубокой слѣдъ въ его душѣ; онъ впоследствии

всю жизнь недовѣрчиво относился къ академической корпораціи и, гдѣ только представлялась возможность, обличалъ ихъ ученое фарисейство и недобро-совѣстность.

Работа по приведенію въ порядокъ минералогическаго кабинета была скоро закончена, и Л. сталъ напоминать объ утвержденіи его въ профессорской должности. Ак. Наукъ отмалчивалась и время отъ времени призывала его къ дѣлу, рекомендуя для переводовъ разныя научныя статьи. Л. понялъ, что прямымъ путемъ онъ не добьется того мѣста, на которое имѣеть всѣ права, и избираеть путь окольный, путь хвалебной лирики, которая была въ большой модѣ въ то время и открывала даровитымъ людямъ доступъ въ высшія сферы и даже ко Двору. И вотъ, не долго думая, онъ принимается за составленіе оды ко дню рожденія младенца—Императора Іоанна Антоновича, именемъ котораго правила его мать, Анна Леопольдовна, и весьма чувствительно изображаетъ въ ней, какъ веселящаяся Россія лобызаетъ очи, ручки и ножки Императора, а нѣсколько дней спустя пишетъ новую оду на побѣду русскихъ надъ шведами при Вильманstrandѣ, и даетъ этой одѣ пышное названіе: „Первые трофеи Его Величества Іоанна III“. Обѣ оды были напечатаны въ „Прибавленіяхъ къ Петербургскимъ Вѣдомостямъ“ и заслужили похвалу автору, который для современниковъ являлся талантливымъ стихотворцемъ, ловко владѣющимъ структурой стиха и оборотами рѣчи; однако въ судьбѣ поэта переменны онъ не произвели. Кратковременное царствованіе Іоанна Антоновича закончилось извѣстнымъ историческимъ переворотомъ, давно ожидавшимся въ высшемъ петербургскомъ свѣтѣ. Въ ночь съ 24 на 25 ноября 1741 г. возведена была на русскій престолъ Елизавета Петровна, а прежняя правительница съ супругомъ и младенцемъ—Императоромъ Почутились въ заточеніи. Восшествіе на престолъ „дщери Петровой“ сопровождалось настойчивыми слухами о нерасположеніи новой Государыни къ иноземцамъ и о ея намѣреніи покровительствовать русскимъ людямъ. Въ Академіи Наукъ поднялась тревога: Шумахеръ и его пособники посѣщили истребить все, что могло напоминать о минувшемъ царствованіи: портреты, хвалебныя оды, торжественныя посвященія академическихъ сочиненій и т. п. А на рожденіе Императрицы (18 декабря) официальный поэтъ Академіи Штелинь, воспѣвавшій послѣдовательно и Бирона, и Анну Іоанновну, и Анну Леопольдовну, посѣщилъ поднести торжественную оду и къ нѣмецкому тексту ея приложилъ русскій стихотворный переводъ Ломоносова. Ода понравилась, имѣла успѣхъ, и Л. тотчасъ же посѣщилъ использовать выгоды создававшегося положенія: онъ, минуя академическое начальство, подалъ прошеніе на Высочайшее имя о повышеніи его въ званіе экстраординарнаго академика. На этотъ разъ Ломоносову посчастливилось: 28 января 1742 г. онъ былъ опредѣленъ при Академіи „адъюнктомъ физическаго класса“ съ жалованьемъ по 360 руб. въ годъ. Съ этой минуты, и на довольно долгое время, Ломоносовъ какъ бы раздвояется въ своей дѣятельности: усердно занимаясь естественными науками и выполняя разныя научныя порученія, онъ усиленно упражняется въ стихотворныхъ опытахъ. 10 февраля 1742 г. онъ подноситъ императрицѣ „всеподданнѣйшее поздравленіе для благополучнаго и ра-

достнаго прибытія въ С.П.Б. его Королевскаго Высочества Государя Петра, внука Императора Петра Великаго“, и въ этой одѣ не жалѣть куреній и похвалъ. 29 апрѣля того же года, по поводу коронованія Императрицы Елизаветы, Л. стихами переводитъ оду академика Юнкера. Въ декабрѣ 1742 г. по поводу возвращенія Елизаветы изъ Москвы — новая ода. Въ конецъ этой оды Л. вилетааетъ намекъ на какой то „гнѣвъ стихій“, который однако же не можетъ повредить его „усерднѣйшей ревности“. Дѣло въ томъ, что именно въ это время произошли въ Академіи Наукъ большіе раздоры. Русская партія взяла на время верхъ; Шумахеръ былъ отставленъ, и надъ нимъ назначено строжайшее слѣдствіе. Л., который еще не имѣлъ особаго повода враждебно относиться къ Шумахеру, держался въ сторонѣ и велъ себя очень осторожно. Но несчастная привычка къ вину поколебала однажды его обычную тактичность и уравновѣшенность. — Явившись въ Академію хмельной, онъ натворилъ академикамъ всякія „продерзости“. Ближайшей причиной, вызвавшей со стороны Л. рѣзкое осужденіе академиковъ, были непорядки въ строѣ академической жизни, которые возмущали Л. Непорядки эти, по его убѣжденію, зависѣли отъ преобладанія въ академіи наукъ нѣмцевъ; ихъ онъ называлъ открыто „непріятелями наукъ російскихъ“, которые не давали возрастать свободно насажденію Петра Великаго. Въ тревожное время вражды и борьбы неумѣстная выходка Л. послужила для нѣмцевъ поводомъ къ тому, чтобы отвлечь вниманіе отъ слѣдствія надъ Шумахеромъ. Противъ Ломоносова поднялась буря: нѣмцы академики не хотѣли болѣе терпѣть его въ своей средѣ, требовали его изгнанія и добивались наказанія по закону. Разсмотрѣвъ описанныя въ жалобѣ продерзости Ломоносова, Комиссія приговорила его „къ лишенію живота или по крайней мѣрѣ къ наказанію на тѣлѣ и лишенію состоянія“. Приговоръ этотъ для нѣмцевъ звучалъ полной побѣдой; они надѣялись навсегда освободиться отъ беспокоившаго ихъ русскаго ученаго. Но надеждамъ ихъ не суждено было осуществиться. Съ одной стороны великія дарованія и ученая слава Л., а съ другой то, что нападки его на Академію имѣли основанія въ дѣйствительномъ неурядкѣ ея, что, наконецъ, допущенныя имъ ругательства, какими бы грубыми они не представлялись, не были при тогдашнихъ нравахъ какимъ-либо небывалымъ явленіемъ даже и въ ученой средѣ, — все это спасло Л. отъ строгаго и уничтожающаго приговора Комиссіи. По указу Императрицы онъ былъ освобожденъ отъ тѣлеснаго наказанія, „ради довольнаго его ученія“; положено было только просить ему у профессоровъ прощенія, а за учиненныя непристойности въ конференціи, „яко судебномъ мѣстѣ“, приказано сократить ему жалованье вполовину. На урѣзанномъ окладѣ Ломоносовъ пробылъ около полугода. Однимъ изъ главныхъ участниковъ въ претензіи на Л. былъ профессоръ Миллеръ, на котораго съ тѣхъ поръ русскій ученый сталъ смотрѣть какъ на личнаго своего врага. Съ этого времени начались и продолжались до смерти Л. враждебныя отношенія къ Миллеру. Такія отношенія, впрочемъ, были поддерживаемы и поведеніемъ Миллера, который, по отзывамъ современниковъ, не отличался мягкостью характера и гуманностью въ обращеніи съ русскими людьми. Непріятная случайность, волокита слѣдственнаго

производства, высиживание под арестом не ослабили в Л. ни бодрости духа, ни ученой энергии. Онъ под арестом скорбитъ лишь о томъ, что „то время, въ которое бы онъ другихъ учениемъ пользоваться могъ, тратится напрасно“. По его требованію, ему и въ арестное помѣщеніе доставляютъ всѣ необходимыя средства къ продолженію научныхъ занятій и опытовъ, и онъ, забывая о грозящемъ суровомъ наказаніи, хлопочетъ объ учрежденіи при Академіи химической лабораторіи, — первой въ Россіи, — прибавляя совершенно искренно къ своему прошенію: „если бы въ моей возможности было на моемъ коштѣ лабораторіи имѣть и химическіе процессы въ дѣйствіе производить можно было, то я бы Ак. Наукъ утруждать не дерзалъ; но отъ долговременнаго удержанія заслуженнаго мною жалованья съ великою нуждою мое пропитаніе имѣю“. Во время пребыванія под арестомъ написана самая лучшая его ода „Вечернее размышленіе о Божьемъ Величествѣ, при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія“.

Освобожденный отъ грозящаго ему наказанія и успокоенный милостію Императрицы, Л. съ большимъ еще рвеніемъ принялся за свои разнообразныя научныя наблюденія и опыты, за переводъ трудовъ иноземныхъ ученыхъ и собственныя изслѣдованія; при чемъ у него удивительно пестрой чредой смѣнялись въ его занятіяхъ магнитныя обсерваціи, изслѣдованія свойствъ воздуха, трактаты о теплотѣ и стужѣ — и за ними слѣдовали занятія риторикою, которыя выразились въ руководствѣ, приготовленномъ къ печати въ 1744 году. Дѣятельность его привлекаетъ къ нему общее вниманіе и мало по малу обезпечиваетъ выдающееся положеніе въ Академіи. Немаловажнымъ элементомъ въ усиленіи и возрастаніи значенія Л. были и прочныя связи съ Дворомъ Елизаветы, гдѣ мы уже видимъ людей, искренно интересующихся науками и просвѣщеніемъ. Это послѣднее обстоятельство отмѣчаетъ и самъ Л. посвященіемъ перевода Вольфовой физики графу М. Воронцову, въ которомъ говоритъ, что „въ современной Россіи не только въ средѣ ученыхъ по обязанности но и среди знатныхъ особъ бесѣды рѣдко проходятъ, чтобы при томъ о наукахъ разсужденія съ похвалою не было“. Разумно опираясь на поддержку знати и умѣя при этомъ не поступаться своимъ достоинствомъ, Л. усердно продолжаетъ свою стихотворческую дѣятельность, зная, что она пріятна Двору и полезна для него. Въ 1747 г. (въ день восшествія на престолъ Императрицы) онъ пишетъ свою знаменитую оду:

„Царей и царствъ земныхъ отрада,

Возлюбленная тишина —

Блаженство сель, градовъ ограда,

Коль ты полезна и красна!

Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ,

И класы на поляхъ желтѣютъ;

Сокровищъ полны корабли

Дерзаютъ въ море за тобою,

Ты сыплешь щедрою рукою

Твое богатство по земли“.

Одна изъ заключительныхъ строфъ этой оды дышетъ полной искренностью и, несомнѣнно, передаетъ тѣ чувства, тѣ мечты, которыя постоянно жили въ душѣ гениальнаго поборника науки и просвѣщенія. Вотъ эта строфа:

„О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветь отъ странъ чужихъ,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте, нынѣ ободренны,
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля родить“.

Ода эта имѣла шумный успѣхъ и принесла Ломоносову неожиданнй подарокъ: онъ получилъ цѣлый казенный домъ въ свое распоряженіе. Для характеристики его, какъ ученаго, не мѣшаетъ замѣтить, что, занявъ этотъ домъ, онъ прежде всего заботится объ устройствѣ въ немъ химической лабораторіи. Съ того же 1747 г. Ломоносовъ становится во главѣ партіи профессоровъ, недовольныхъ дѣйствіемъ академической канцеляріи; онъ начинаетъ сознать свою силу и значеніе. Въ Канцеляріи тогда хозяйничали два нѣмца—Шумахеръ и Таубертъ, тестъ и зять, люди „въ наукахъ, по выраженію Л., скудные“, но практическимъ разумомъ и изворотливостью богатые. Они мало обращали вниманія на интересы русскаго просвѣщенія, а заботились главнымъ образомъ о соблюденіи порядка и внѣшней формы, чтобы, выставивъ на видъ приличный декорумъ, удобнѣе — преслѣдовать личныя цѣли. „Съ самаго начала Академіи, жаловался Л., науки претерпѣвали нужду, будучи главное дѣло, а деньги исходили на постройки, починки, ненужныя покупки“ и пр. Таубертъ распоряжался казеннымъ добромъ и денежными суммами самовластно и не хотѣлъ давать отчета по своему управленію. „Захвативши деньги отъ книжной лавки, говорить Л., онъ кому хочетъ, тому и даетъ жалованье... Занявъ въ академическомъ домѣ самые лучшіе покои, на коштъ академической великолѣпно украшенные, роздалъ другія по своему усмотрѣнію квартиры. И переплетчикъ Резенбергъ имѣть столько простору, что можно бы умѣстить хорошаго профессора, который терпитъ нужду, переѣзжая по наемнымъ дорогимъ квартирамъ“. По отзывамъ Л., академическая канцелярія въ своей дѣятельности шла въ разрѣзъ съ законнымъ желаніемъ русскаго общества и съ завѣтными мечтами самого великаго поборника науки. Шумахеру, замѣчаетъ Ломоносовъ въ докладной запискѣ, опасно было происхожденіе въ наукахъ и произвожденіе въ профессору природныхъ россіянъ, отъ которыхъ онъ уменьшенія своей силы опасался.... Шумахеръ неоднократно такъ отзывался: я де великую прошибку въ политикѣ своей сдѣлалъ, что допустилъ Л. въ профессору. И недавно зять его (Таубертъ) отозвался въ разговорѣ о произведеніи россійскихъ студентовъ: „развѣ—де намъ десять Ломоносовыхъ надобно? И одинъ де намъ въ тягость“. Но вредное для русскаго образованія и русскаго науки преобладаніе нѣмецкой партіи Л. ви-

дѣлъ не въ одной только академической канцеляріи, но и во всей Академіи, которая почти вся состояла изъ иностранцевъ. Еще первые академики, прибывшіе изъ заграницы, были проникнуты тѣмъ же сознаниемъ важности Академіи, какими руководился рекомендовавшій ихъ Хр. Вольфъ. Къ сожалѣнію, нѣсколько лѣтъ спустя, при выборѣ въ члены Ак. стали руководиться не этимъ взглядомъ, но другими, посторонними для науки соображеніями. Вслѣдствіе этого, вмѣстѣ съ хорошими людьми стали являться и люди посредственные и недостойные, которые однако, какъ иностранцы, пользовались разными льготами и преимуществами, въ ущербъ природнымъ русскимъ, выказывали при всякомъ удобномъ случаѣ презрѣніе къ русскимъ и давали вездѣ и всюду чувствовать свое превосходство, иногда основанное лишь на томъ, что они не туземнаго происхожденія. Очень понятно, что Л., глубоко преданный наукѣ и ревностно заботившійся объ ея успѣхахъ въ Россіи, со всей горячностью пылкаго темперамента возсталъ противъ такого порядка вещей и требовалъ преобразованія всей Академіи, настаивая на томъ, чтобы учебная и ученая часть была изъята изъ вѣдѣнія канцеляріи, а въ Академію открытъ бы былъ предпочтительный доступъ русскимъ ученымъ, къ подготовленію которыхъ онъ рекомендуетъ приложить особыя заботы. Свою „Краткую исторію объ академической канцеляріи“ онъ заканчиваетъ слѣдующимъ заявленіемъ: „Едино упованіе состоитъ нынѣ, по Божѣ, во Всемилостивѣйшей Государынѣ нашей, которая отъ истиннаго любленія къ наукамъ и отъ усердія къ пользѣ отечества, можетъ быть, разсмотреть и отвратить сіе несчастіе. Ежели-жъ онаго не воспослѣдуетъ, то вѣрить должно, что нѣтъ Божескаго благоволенія, чтобы науки возрасли и распространились въ Россіи“.

Въ основѣ всѣхъ стремленій, требованій, плановъ и проектов Л. лежала пламенная любовь къ наукѣ и глубокое патриотическое чувство. Известно, напр., какое горячее письмо онъ написалъ Шувалову по случаю смерти профессора Рихмана, пораженнаго молніей во время производства опытовъ надъ электричествомъ. Огорченный смертію своего ученаго соратника, онъ всего больше боится, чтобы эта трагическая случайность въ непросвѣщенномъ русскомъ обществѣ не была перетолкована ко вреду науки въ Россіи. Поэтому замѣтивъ, что Рихманъ умеръ прекрасною смертію, исполняя свой долгъ, онъ проситъ Шувалова обезпечить вдову; пусть сынъ ея будетъ воспитанъ такъ, „чтобы и онъ такой же любитель былъ науки, какъ его отецъ“. Когда Шувалову пришла мысль основать въ Москвѣ университетъ, Л. привѣтствовалъ ее съ восторгомъ, предложилъ свои услуги при составленіи плана, совѣтовалъ немедленно основать при университетѣ гимназію, заявляя, что „университетъ безъ гимназіи, что пашня безъ сѣмянъ“. Послѣ открытія Московскаго университета онъ началъ усердно хлопотать объ основаніи университета въ Петербургѣ, составлялъ проектъ его устава и планъ его открытія. Аккуратно поднося Императрицѣ двѣ—три оды ежегодно, пополняя эти оды напускнымъ паѳосомъ, какой былъ тогда въ обычаѣ, Л. вездѣ и неизмѣнно повторяетъ одни мотивы восхваленій—желаніе Елизаветы идти по стопамъ Великаго Отца, покровительствуя русскимъ людямъ и насажденію наукъ въ Россіи. Сближаясь съ любимцами

Елизаветы, онъ и къ нимъ подходитъ съ той же стороны—со стороны образованія, проевѣщенія, славы и достоинства Россіи; онъ не потворствуетъ имъ, не поблажаетъ ихъ низменнымъ инстинктамъ,—онъ ставитъ имъ себя въ образецъ, смѣло и увѣренно говоритъ имъ о своихъ достоинствахъ и какъ бы возвышаетъ ихъ до себя, вмѣняя имъ меценатство въ обязанность не ради себя и своихъ временныхъ выгодъ, а ради блага и пользы отечества.

Опираясь на чистоту своихъ намѣреній и искренность убѣжденій, Л. стремился къ осуществленію своихъ завѣтныхъ желаній съ необыкновенной смѣлостью и твердостью, не отступая ни предъ какими припятствіями и не стѣняясь никакими отношеніями къ тѣмъ или инымъ лицамъ. „Ежели-жъ, Ваше Высокографское сіятельство,—писалъ онъ графу Разумовскому, президенту Академіи Наукъ, сѣтуя на академическіе безпорядки,—не соблаговолите сей важной моей долговременной жалобы уважить и привести въ дѣйствіе въ скоромъ времени, то принужденъ буду принять законную смѣлость непременно поступить по монаршему указу, для избавленія восходящихъ наукъ въ нашемъ отечествѣ отъ наглаго утѣшенія“, т. е. обратиться непосредственно къ самой Императрицѣ. Твердость характера Л. сказалась и въ письмѣ его Теплову, гдѣ онъ упрекаетъ послѣдняго за его покровительство Тауберту: „Повѣрьте, Ваше Высочордіе, я пишу не изъ запальчивости, но принуждаетъ меня изъ многихъ лѣтъ извѣданное слезными опытами академическое несчастье.... Я бы охотно молчалъ и жилъ въ покоѣ; да боюсь наказанія отъ правосудія и всемогущаго Промысла, который не лишилъ меня дарованія и прилежанія въ ученіи и далъ терпѣніе и благородную упрямку и смѣлость къ преодолѣнію всѣхъ препятствій къ распространенію наукъ въ отечествѣ, что мнѣ всею въ жизни моей дороже... За общую пользу, а особливо за утверженіе наукъ въ отечествѣ и противъ отца родного возстать за грѣхъ не ставлю... Что до меня надлежитъ, то я къ сему себя поставилъ, чтобы до гроба моего съ непріятелями наукъ російскихъ бороться...; стоялъ за нихъ съ молодю, на старость не покину“. Съ такой прямою и твердостью Л. относился ко всѣмъ лицамъ, не исключая и тѣхъ знатныхъ особъ, которыя были его покровителями, какъ, напр. Шуваловъ. Л. любилъ и уважалъ его, но въ то-же время держалъ себя по отношенію къ нему съ такимъ достоинствомъ и независимостью, что въ угоду ему не хотѣлъ не только поступиться какими-нибудь убѣжденіями, но и просто смягчить, напр., свое нерасположеніе къ Сумарокову. Вотъ выдержка изъ рѣзкаго письма къ Шувалову по поводу попытки послѣдняго свести Л. съ Сумароковымъ. Подозрѣвая со стороны всеильнаго вельможи лукавое намѣреніе изъ столкновенія двухъ непримиримыхъ современниковъ устроить забавное зрѣлище, Л. пишетъ: „Никто въ жизни меня больше не избидѣлъ, какъ Ваше Высокопревосходительство. Призвали Вы меня сегодня къ себѣ. Я думалъ, можетъ быть какое нибудь образованіе будетъ по моимъ справедливымъ прошеніямъ. Вдругъ слышу: помирись съ Сумароковымъ, т. е. слѣлай смѣхъ и позоръ. Ваше Высокопревосходительство, имѣя нынѣ случай служить отечеству спомоществованіемъ въ наукахъ, можете лучшія дѣла производить, нежели меня мирить съ Сумароковымъ.... Не токмо у стола

знатныхъ господъ, или у какихъ земныхъ владѣтелей, дуракомъ быть не хочу, но ниже у Самого Господа Бога, Который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметь“. Дѣйствительно, Л. и по самой природѣ своей, и по уму, и по характеру, и по желѣзной силѣ воли не былъ созданъ для роли смѣшного или способнаго дать себя въ обиду человѣка. Нѣтъ, это былъ могучій борецъ, выносившій на своихъ плечахъ „русское дѣло“, въ смыслѣ русской науки, литературы и просвѣщенія,—и усердно заботившійся объ избавленіи русскихъ людей отъ иноземной опеки. Это былъ борецъ страшный, предъ которымъ съживались и трепетали его противники и съ которымъ сильнѣйшіе, способнѣйшіе изъ нихъ не выносили борьбы одинъ на одинъ. И даже въ большинствѣ тѣхъ случаевъ, когда противъ Л. поднималась цѣлая академическая корпорація, онъ обнаруживалъ въ борьбѣ такую стойкость и ловкость, что самые мѣткія стрѣлы оказывались безвредными для него; въ свою очередь, при малѣйшей оплошности противниковъ, онъ наносилъ имъ удары весьма чувствительные, а иногда и неотразимые, умѣя при этомъ сберечь и охранить свое личное достоинство.

Въ заботахъ о водвореніи новыхъ порядковъ въ Академіи и въ соперничествѣ съ партіей противниковъ провелъ Л. послѣдніе годы царствованія Елизаветы Петровны. 25-го ноября 1761 г. Л. поднесъ Императрицѣ обычную оду „На пресвѣтлый торжественный праздникъ Ея Величества восшествія на Всероссійскій престолъ“, а ровно черезъ мѣсяцъ Елизавета скончалась, и Л., огорченный до глубины души ея кончиною, посвятилъ ей надгробную надпись, проникнутую искренними чувствами горести и почтительной признательности.

Но долго горевать не полагалось... Надо было слѣзнуть съ торжественною одою на восшествіе на престолъ Императора Петра III. Историческія событія вслѣдъ за тѣмъ такъ быстро развертывались и чередовались, что и проникательный придворный поэтъ не могъ ихъ предусмотрѣть и за ними поспѣть. Въ то время, когда онъ готовилъ торжественную академическую рѣчь, въ которой съ похвалою собирался упомянуть о молодомъ Императорѣ, совершилось извѣстное „петербургское дѣйство“: Петръ III отрекся отъ престола, а 6-го іюня 1762 г. его уже не было на свѣтѣ. Пораженный неожиданностью этого переворота, Л. уже писалъ на основаніи манифеста, обнародованнаго Екатериною, новую торжественную оду на день всерадостнаго восшествія на престолъ „Великой Государыни Екатерины Алексѣевны“. Но его поэтическое твореніе на этотъ разъ оказалось „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ“. Всѣ друзья и покровители его были въ опалѣ или въ ожиданіи ея. Екатерина, привыкшая видѣть Л. въ тѣсномъ единеніи съ партіей стараго Двора, неблагопріятствовавшей ея восшествію, отнеслась къ нему сначала равнодушно, а потомъ даже поддалась навѣтамъ его враговъ. Неизвѣстно, кѣмъ былъ поднятъ вопросъ объ увольненіи его изъ Академіи, но 2 мая 1763 г. послѣдовалъ именной указъ Сенату: „Коллежскаго Совѣтника Михаила Ломоносова всемилостивѣйше пожаловали Мы въ статскіе совѣтники и вѣчно отъ службы отставкою съ половиннымъ по смерти его жалованіемъ“. Едва только вѣсть объ этомъ указѣ дошло до Л., онъ въ тотъ же день

отказался подписать журналы и протоколы по академической канцелярии и уѣхалъ въ свое помѣстье, за Ораніенбаумомъ; а на другой день закладной врагъ Л. профессоръ Миллеръ уже сѣвшилъ извѣстить своихъ германскихъ друзей о томъ, что „Академія освобождена отъ Л.“. Но радость и торжество Миллера оказались болѣе чѣмъ преждевременными. Сбылось въ шутку выраженное предсказаніе Л., что „его нельзя отставить отъ Академіи, скорѣе Академію можно отставить отъ него“. Екатерина, сдѣлавъ нѣсколько поспѣшный шагъ по отношенію къ Л., скоро сознала свою ошибку. Съ прозорливостью истинно-великой женщины, она поняла, что вынула лучший перлъ изъ своей короны, и, не смотря на то, что не могла симпатизировать Л., рѣшилась великодушно пойти на перемиріе. 13 мая 1763 г. въ Сенатѣ была получена собственноручная записка Императрицы: „если указъ о Ломоносовской отставкѣ еще не посланъ въ Петербургъ, то сейчасъ его ко мнѣ обратно прислать“. И вотъ Л. снова явился въ академической канцелярии, къ ужасу Миллера, Тауберта и ихъ сторонниковъ,—явился болѣе чѣмъ когда либо ободренный къ работѣ и по прежнему готовый къ борьбѣ, на которую онъ „обрекъ себя до смерти“. Послѣ этого Л., ни на часъ не приостанавливая своей кипучей и разнообразной дѣятельности, прожилъ еще два года, осыпавъ милостями Екатерины и удостаиваемый почетомъ со всѣхъ сторонъ. Императрица жалуетъ его чиномъ статскаго совѣтника, возвышаетъ его жалованье до 1800 р., русское общество нарекаетъ его великимъ ученымъ, просвѣщенная Европа прислушивается къ его научнымъ выводамъ: Болонская и Стокгольмская Академіи шлютъ ему дипломы. За годъ до смерти Екатерина удостоила знаменитаго русскаго ученаго высокой чести: она посѣтила Л. въ его домѣ, въ сопровожденіи знатнѣйшихъ особъ своего Двора, и здѣсь „изволила смотрѣть производимыя имъ работы академическаго художества, также новозобрѣтенные имъ физическіе инструменты и нѣкоторые физическіе и химическіе опыты, чѣмъ, по словамъ историка, подать благоволила новое Высочайшее увѣреніе о истинномъ любленіи и попеченіи своемъ о наукахъ и художествахъ въ отечествѣ“. Но несмотря на всѣ эти милости и вызванныя ими официальные поэтическія воскренія, Л. все-же не чувствовалъ себя ни довольнымъ, ни покойнымъ. Напряженная ученая и литературная дѣятельность, продолжительная борьба съ враждебной партіей и въ тоже время частыя увлеченія въ крайности „забвенія горя“ подорвали физическія и нравственныя силы и этой могучей натуры. Но и чувствуя дыханіе смерти, Л. не отрывался отъ своей завѣтной мечты. За нѣсколько дней до кончины онъ говорилъ Штелену: „Чувствую, что скоро умру. На смерть смотрю совершенно спокойно, а сожалѣю только о томъ, что не успѣлъ довершить того, что началъ для пользы отечества, для славы науки и для чести Академіи. Къ сожалѣнію вижу теперь, что благія мои намѣренія исчезнутъ вмѣстѣ со мною“. 4-го апрѣля 1765 г. Ломоносова не стало. Смертные останки его съ большимъ торжествомъ были преданы землѣ на кладбищѣ Александро-Невской Лавры, гдѣ и теперь надъ могилою его возвышается изящный мавзолей изъ каррарскаго мрамора, вычисанный изъ Италіи канцлеромъ графомъ Воронцовымъ, однимъ изъ усерднѣйшихъ почитателей памяти Л.

и не угасла жизнь великаго человѣка, но не угась тотъ яркій свѣтильникъ науки и знаній, который былъ возженъ и высоко поднять его могучей рукой. Неуготимая дѣятельность Ломоносова и его высокія заслуги передъ русскимъ обществомъ удостоились глубокой признательности и современниковъ и потомства.

Опредѣляя значеніе Л. въ исторіи русскаго просвѣщенія, одинъ стихотворецъ второй половины XVIII в. Поповскій высказался въ слѣдующихъ стихахъ:

Что въ Римѣ Цицеронъ и что Виргилій былъ,
Л. То онъ одинъ въ своемъ понятіи вмѣстилъ.

Даже Сумароковъ, котораго мы никакъ не можемъ заподозрить въ намѣреніи польстить Л., отозвался о немъ стихами:

Онъ нашихъ дней Мальгербъ,
Онъ Пиндару подобенъ.

Въ этихъ словахъ звучитъ намѣреніе авторовъ дать высокую оцѣнку литературнымъ трудамъ Л., которые, безспорно, заслуживаютъ этой чести. Но видѣть въ немъ лишь идеалъ поэта и называть его „россійскимъ Пиндаромъ“ значить обнаруживать крайнюю односторонность въ толкованіи значенія Л. Такой односторонностью страдало большинство критикъ до первой четверти XIX вѣка. Истинные лавры въ вѣнокъ безсмертія Л. вплелъ Пушкинъ. „Ломоносовъ, громко заявилъ онъ, былъ великій человѣкъ. Между Петромъ I и Екатериною II-ю онъ одинъ является самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія. Онъ создалъ первый университетъ, онъ, лучше сказать, самъ былъ первымъ нашимъ университетомъ... Соединяя необыкновенную силу воли съ необыкновенною силою понятія, Л. обнялъ всѣ отрасли просвѣщенія. Историкъ, риторъ, механикъ, химикъ, минералогъ, художникъ и стихотворецъ, онъ все испыталъ и все проникъ“. Геній Л., дѣйствительно, представляется въ такой степени всеобъемлющимъ, что достойная оцѣнка его не можетъ быть сдѣлана однимъ хотя бы и ученымъ специалистомъ или однимъ критикомъ. Цѣлая дружина ученыхъ по поводу столѣтія со дня кончины Л. тщательно и усердно изучала все, что произвелъ онъ, все то, надъ чѣмъ онъ въ теченіе жизни работалъ, наблюдая, изыскивая и изобрѣтая... Всѣхъ потрудившихся надъ разработкою сочиненій Л. поразила прежде всего его изумительная трудоспособность и плодовитость. Онъ является живой энциклопедіей самыхъ разнохарактерныхъ знаній. Вотъ на справку одно случайное заявленіе Л. въ 1754 г., когда зашла рѣчь о публичномъ академическомъ актѣ, который долженъ былъ сопровождаться торжественными рѣчами: „Ежели г.г. академики не изволятъ предложить пристойныхъ матерій, то я могу служить слѣдующими: 1) предложить новую о цвѣтахъ теорію, на физическихъ и химическихъ опытахъ основанную; 2) о первоначальныхъ частицахъ, чувствительныхъ тѣла составляющихъ; 3) способы, какъ вѣрнѣе опредѣлить ходъ корабельный и всякаго мореплавателя путь употреблять съ большимъ приращеніемъ знанія въ мореплаваніи; 4) новые способы, какъ безопасно мѣрять электрическую силу въ воздухѣ и ослаблять громовую силу

въ тучахъ; 5) обсерваторію метеорологическую самопишущую; 6) задачу могу предложить объ опредѣленіи количества въ движеніи и о пропорціи количества матеріи въ тягости“. Вотъ какое богатство заключалось постоянно въ научномъ портфельѣ нашего академика. И весь этотъ матеріалъ есть результатъ его непрерывной работы, которая составляла для него одинъ изъ элементовъ его жизни.

Не касаясь значенія обширныхъ трудовъ Л. въ области естествознанія, что имѣеть быть предметомъ особаго чтенія въ настоящемъ собраніи, я позволю себѣ остановить Ваше вниманіе на краткомъ замѣчаніи о цѣнности трудовъ Л. по русскому языку и русской литературѣ. Давно и справедливо заслужилъ Л. имя „отца русской словесности“, начинателя новаго періода въ ея развитіи, когда она, освободившись отъ насилія литературныхъ формъ востока, пошла въ уровень съ основными теченіями западно-европейской словесности. Заботы Л. о возможномъ прогрессѣ литературнаго дѣла на Руси сказались въ изданіи ряда сочиненій по теоріи русскаго слога и — литературныхъ опытовъ въ разныхъ видахъ прозы и поэзіи. Филологическіе труды Л.: „Разсужденіе о пользѣ книгъ церковныхъ въ російскомъ языкѣ“, „Грамматика“, „Риторика“ и „Письмо о правилахъ російскаго стихосложенія“ важны, какъ первая попытка отдѣлить русскій народный и разговорный языкъ отъ древне-славянскаго и указать его особенности и красоты. Чтобы дѣломъ, употребленіемъ освятить и узаконить это нововведеніе, требовалась смѣлая рѣшительность, точность и необыкновенная сила мышленія, знаніе духа языка и еще нѣчто, чего не даетъ самое знаніе, это — гениальное чутье истины и способовъ ея практическаго приложенія, именно все то, что мы находимъ въ Л. Ломоносовѣ, самъ хорошо владѣвшій русскою рѣчью, опредѣляетъ нормы языка, отмѣчаетъ его свойства, даетъ правила и наставленія умѣлаго пользованія богатствами русскою рѣчи. Взглядъ его на высокое достоинство русскаго языка очень характерно отразился въ предисловіи къ „Грамматикѣ“: „Карль V, римскій императоръ, говорилъ, что испанскимъ языкомъ съ Богомъ, французскимъ съ друзьями, нѣмецкимъ съ непріятелями, итальянскимъ съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но если бы онъ російскому языку былъ искусенъ, то, конечно, къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всеми иными говорить пристойно. Ибо нашелъ бы въ немъ великолѣпіе испанскаго, живость французскаго, крѣпость нѣмецкаго, нѣжность итальянскаго, сверхъ того — богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость греческаго и латинскаго языка“. Если языкъ нашъ время Л. и не имѣлъ еще тѣхъ свойствъ, какія открывала въ нихъ прозорливая мысль русскаго ученаго, то съ легкой руки Л. онъ постепенно началъ приобрѣтать эти свойства. „Грамматика“ Л. явилась нашимъ первымъ учебникомъ, если не считать неудачнаго опыта въ этомъ родѣ студента Ададунова, и въ отношеніи разработки рѣчи составляетъ цѣлую эпоху въ нашей наукѣ. Въ посвященіи Л. высказалъ совершенно правильный взглядъ на значеніе этой отрасли знанія. „Туа ораторія, пишетъ Л., косноязычна поэзія, неосновательна философія, непріятна исторія, сомнительна юриспруденція безъ грамматики“. Авторитетный голосъ извѣстнаго русскаго филолога Давыдова утверждаетъ непоколебимое значеніе работъ Л.

въ области русскаго языка. „Мы должны сознаться, пишетъ онъ, что въ сущности въ грамматическихъ началахъ къ великому холмогорцу ничего прибавить не можемъ“. „Риторика“ Л. была также первой на Руси, и однако не только современники Л., но и потомки отзывались о ней не иначе, какъ съ восхищеніемъ. Профессоръ Севергинъ свидѣтельствуетъ, что „правила изобрѣтенія идей, украшенія и расположенія словъ у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ одинаковы, но Л. былъ первымъ, проложившимъ и въ этомъ поприщѣ лучшія стези на російскомъ языкѣ. И хоть послѣ него было много издано подобныхъ руководствъ, но твореніе Л. служило имъ всегда основаніемъ. Мы должны удивляться изяществу его вкуса, ибо всѣ его примѣры сильны, ясны и привлекательны, а нѣкоторые прямо неподражаемы“.

„Письмо о правилахъ російскаго стихосложенія“ положило начало новой структурѣ тоническаго стиха, явившагося на смѣну неуклюжимъ силлабическимъ виршамъ, — стиха, который отвѣчаетъ природнымъ свойствамъ русской рѣчи. Здѣсь мы избавлены отъ необходимости говорить что-либо въ похвалу Л.: факты краснорѣчивѣе всякихъ словъ, а фактъ тотъ, что стихъ этотъ вплоть до нашихъ дней держится въ русской поэзіи.

Разливая на всѣ высшія отправленія мысли прелесть эстетическаго одушевленія, образуя для нихъ языкъ, Л. является творцомъ изящной словесности, въ которой люди всѣхъ временъ и всѣхъ странъ видѣли отраженіе и образъ лучшихъ своихъ идей. Изъ произведеній изящной словесности болѣе достойными вниманія являются тѣ, которыя непосредственнѣе, сильнѣе, дольше дѣйствовали на общество наше, — лирическія созданія, оды, хотя въ литературной сокровищницѣ Л. есть образцы и эпоса и драмы. Начало поэмы его „Петръ Великій“ содержитъ въ себѣ замѣчательныя красоты описательной поэзіи, но Л. не успѣлъ развить въ ней ни характера героя, ни эпическаго дѣйствія. Въ двухъ его трагедіяхъ „Тамара и Селимъ“ и „Демофонтъ“ господствуютъ также описательный и лирическій элементы. Въ нихъ нѣтъ и не могло быть драмы, этого совершеннѣйшаго типа поэзіи. Ни едва только начинавшаяся литература, ни общество наше не находилось еще въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ драма возможна. И поэма и трагедіи Л. составляютъ первые шаги въ новую для насъ сферу литературы, но шаги гениальнаго человѣка, который стремится проложить пути ко всему великому и прекрасному, сіяющему предъ нимъ на далекомъ горизонтѣ русской мысли и русскаго творчества. Въ лирикѣ Л. высказался ярче и занялъ въ святилищѣ музъ свое опредѣленное мѣсто. Энергическая душа его, никогда не разъединяющая интересовъ науки отъ интересовъ жизни и этихъ послѣднихъ отъ судебъ отечества, не могла не чувствовать глубоко того, что представляла ему окружающая его среда въ своихъ господствовавшихъ явленіяхъ и моментахъ. Тамъ все было полно какой-то торжественности и величія, склонявшихъ къ восторгамъ и паренію гимна. И звучная лира Л., естественно, настроилась на этотъ тонъ. Пушкинъ не прощаетъ Л. его высокопарной лирики, ея ложноклассическаго строя. Но вѣдь Ломоносовъ въ созданіи литературныхъ формъ — представитель переходной эпохи, эпохи заимствованій, слѣдованія за установившимися теченіями. Впослѣдствіи наша литера-

тура произвела Державина, Фонъ-Визина, Крылова, Пушкина и Гоголя. Заимствованныя направленія и формы съ ними постепенно теряли свой стѣсняющій, отвлеченный характеръ и превращались въ орудіе нашихъ развивающихся самостоятельныхъ силъ и художественнаго духа. Но что-бы прійти къ такимъ результатамъ, надлежало предварительно сдѣлать то, что сдѣлано въ литературѣ Л. Притомъ же слѣдуетъ признать, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ писалъ стихи не ради иллюминацій и не для подношений, а изъ желанія выразить въ нихъ чувства, волновавшія его душу, онъ проявлялъ такую силу таланта, съ которой мудрено было тягаться его соперникамъ въ стихотворствѣ. Даже въ хвалебныхъ одахъ, посвященныхъ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, въ которыхъ онъ боготворитъ покровительницу любезныхъ его сердцу наукъ, есть дивныя по силѣ мысли и красотамъ формы мѣста, хотя-бы, наприм., классическія строфы, — гимнъ наукъ:

„Науки юношей питають,
Отраду старцамъ подають,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастный случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ — утѣха,
И въ дальнихъ странствахъ — не помѣха,
Науки пользуют вездѣ:
Среди народовъ и въ пустыни,
Въ градскомъ шуму и наединѣ;
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.

Но лучшими изъ лирическихъ стихотвореній, удостовѣряющими несомнѣнность его высокаго поэтическаго одушевленія, являются тѣ, гдѣ дается откликъ на религіозные порывы или отражается преклоненіе Л. предъ мудрыми законами природы. Изъ боговдохновенныхъ пѣснопѣній Давида и книги Іова Л. почерпнулъ немногіе отрывки, въ которыхъ ясное пониманіе духа этихъ возвышенныхъ созданій соединено съ прелестью языка, богатаго оборотами поразительной силы, блестящаго колорита. Но перлами его твореній въ этомъ родѣ являются „Утреннее и вечернее размышленіе о Божіемъ Величествѣ“.

Вотъ нѣкоторыя строфы изъ этихъ гимновъ:

Лицо свое скрываетъ день,
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы мрачна тѣнь;
Лучи отъ насъ склонились прочь.
Открылась бездна звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.

Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ,
Такъ я въ сей безднѣ углубленъ
Теряюсь, мыслями утомленъ.

На рядъ недоумѣнныхъ вопросовъ, поставленныхъ авторомъ о причинахъ чудеснаго явленія сѣвернаго сіянія, онъ не находитъ удовлетворительнаго отвѣта и заканчиваетъ стихи слѣдующимъ заявленіемъ мудрецамъ:

Сомнѣній полонъ вамъ отвѣтъ

О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣстъ;

Скажите-жъ, сколь пространенъ свѣтъ?

И что малѣйшихъ далъ звѣздъ?

Невѣдомъ тварей вашъ конецъ:

Скажите-жъ, коль великъ Творецъ?

Здѣсь естествоиспытатель, изъ круга опытныхъ изслѣдованій, поднимается до той высоты идей, гдѣ добытыя имъ истины открываютъ передъ нимъ зрѣлище величія, красоты и гармоніи въ божественномъ міроустройствѣ.

И дѣйствіе художественныхъ произведеній Л. на умы было и будетъ могущественно. Люди высшаго общества, увлеченные гармоніей русской рѣчи, впервые поразившей слухъ, черезъ нее стали сближаться и съ самыми идеями, провозвѣстникомъ которыхъ былъ Л. Въ немъ почли они начатки русскаго образованія и окружили перваго двигателя его своимъ уваженіемъ, котораго онъ не добивался, но которое возбудилъ, какъ возбуждается оно во всѣхъ и на всякомъ мѣстѣ умственнымъ превосходствомъ. Но не въ одномъ высшемъ кругу ощутительно было вліяніе его: оно проникло въ ту часть народной массы, гдѣ была распространена грамотность. Тамъ между громкими историческими именами, сдѣлавшимися народными, громко зазвучало имя Л. Народъ еще не понималъ ученыхъ его подвиговъ и заслугъ, но онъ безсознательно чувствовалъ мощь этого ума, въ которомъ онъ чтить первенца своихъ духовныхъ силъ, одного изъ лучшихъ сыновъ родины.—Закончимъ бесѣду словами поэта:

„И посреди иного поколѣнья,

Въ рѣчахъ шумить о немъ столѣтняя молва,

И русскій стихъ, набравшись русскою силой,

О имени его звонить среди гостей.

Тѣнь Ломоносова зовутъ изъ-за могилы,

Хотятъ вѣнчать ее, сказать „спасибо“ ей

За трудный подвигъ начинанья,

За первый русскій стихъ, ласкавшій русскій слухъ;

За честную борьбу, за вѣру въ русскій духъ,

За первый лучъ народнаго сознанья*).

С. Архангельскій.

*) Полонскій.

Епархіальная хроника.

— 17-го ноября, въ день ангела почившаго Высокопреосвященнаго Архіепископа Никона, заупокойную литургію въ Каѳедральномъ соборѣ совершилъ Преосвященный Александръ, панихида же при гробѣ усопшаго была совершена Высокопреосвященнымъ Николаемъ, въ сослуженіи Преосвященнаго Александра и соборнаго духовенства.

— Въ тотъ же день въ семинарской Богородицкой церкви послѣ уроковъ была совершена панихида по усопшемъ Высокопреосвященномъ Никонѣ о. Ректоромъ семинаріи, протоіереемъ П. П. Борисовскимъ, въ присутствіи семинарской корпораціи и воспитанниковъ семинаріи.

— Высокопреосвященный Николай 20 ноября совершилъ литургію въ Каѳедральномъ соборѣ и по окончаніи ея—панихиду по Высокопреосвященномъ Архіепископѣ Сергіѣ при гробѣ почившаго, въ сослуженіи Преосвященнаго Александра и соборнаго духовенства; на 21-е ноября—всенощное бдѣніе и 21-го литургію совершилъ въ Крестовой церкви; на 23-е ноября всенощное бдѣніе и 23-го литургія совершена была тамъ же; по окончаніи литургіи было совершено праздничное молебствіе, въ сослуженіи градскаго духовенства.

Преосвященный Александръ совершилъ 21-го ноября литургію въ Каѳедральномъ соборѣ, а по окончаніи ея—праздничное молебствіе совмѣстно съ положеннымъ по табели на 22 ноября молебствіемъ.

Литературно-музыкальный вечеръ въ Духовной семинаріи. На сѣромъ фонѣ однообразной школьной жизни свѣтлыми точками являются литературно-музыкальные вечера, устраиваемые въ учебныхъ заведеніяхъ. Къ нимъ учащіеся рано начинаютъ готовиться, еще раньше объ нихъ говорить, а послѣ нихъ—долго ихъ помнить.

Такія вечера въ Духовной семинаріи обыкновенно устраиваются въ самую длинную и тяжелую рождественскую треть, чтобы съ одной стороны доставить учащимся эстетическое удовольствіе, съ другой дать имъ возможность передохнуть и нѣсколько поразвлечься.

Литературно-музыкальный вечеръ, бывшій 21 ноября 1911 г. въ Духовной семинаріи, прошелъ съ большимъ воодушевленіемъ и успѣхомъ. Казенное зданіе семинаріи какъ бы преобразилось и приняло уютный, семейный видъ. Обширный семинарскій залъ былъ переполненъ публикой. Начальство семинаріи вмѣстѣ съ воспитанниками обратилось въ радушныхъ хозяевъ. Въ столовой, украшенной елками, гостямъ былъ предложенъ чай и фрукты.

Концертное отдѣленіе вечера открылось торжественнымъ, національнымъ русскимъ гимномъ „Боже Царя храни“, исполненнымъ хоромъ и оркестромъ вмѣстѣ. Центральное мѣсто на концертѣ занимали,

какъ и всегда, хоровые номера. Свѣжесть молодыхъ голосовъ и воодушевленіе пѣвцовъ какъ-то невольно подкупали слушателей и заставляли снисходительно относиться къ тѣмъ мелкимъ недочетамъ, которые при-сущи всѣмъ ученическимъ вечерамъ.

Изъ хоровыхъ номеровъ наиболѣе понравились публикѣ: „Пропадала головушка“ муз. Контскаго, „Святителямъ“ муз. Гречанинова, хоръ гуляющихъ изъ оперы „Пиковая дама“ П. И. Чайковскаго и въ особенности „Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту“ муз. Лядова, въ которой простой народный мотивъ облеченъ въ весьма художественную форму.

Оперная музыка, конечно, сама за себя говоритъ; но пріятно отмѣтить вниманіе воспитанниковъ семинаріи къ произведеніямъ народного творчества, въ которыхъ сказалась музыкальная даровитость русскаго народа, т. е. народнымъ пѣснямъ, несравненное художественное достоинство которыхъ признается даже иностранцами.

Всѣ хоровые номера, конечно, не безъ шероховатостей, исполнены были вполнѣ удовлетворительно, особенно если принять во вниманіе недостатокъ свободнаго времени у учащихся для болѣе тщательной отдѣлки піесъ при подготовкѣ.

Хоромъ управлялъ воспитанникъ В. Смирновъ (6—1).

Одиночныя выступленія на вечерахъ, дуэты, тріо въ большинствѣ случаевъ меньше удаются, чѣмъ хоры, потому что молодые пѣвцы, выступая предъ публикой, не могутъ подавить естественнаго чувства смущенія, а это, конечно, отражается и на исполненіи, особенно это смущеніе было замѣтно у одного скрипача, впервые выступившаго на сценѣ. Тѣмъ не менѣе и сольные номера были проведены довольно успѣшно. Солистами на скрипкѣ выступили К. Виноградовъ и Н. Виноградовъ. Послѣдній выбралъ довольно трудныя піесы и ему пришлось, очевидно, много поработать предъ концертомъ.

Очень понравились публикѣ: дуэтъ „Крики чайки“ муз. Гроздскаго исп. Л. Фортунатовъ и П. Тихомировъ и тріо: „Парусъ“ муз. Корнилова исп. А. Смирновъ, Г. Борисовскій и И. Мироновъ,

Оркестровые номера не представляли изъ себя серьезной музыки, но исполненіе ихъ отличалось достаточной сыгранностью.

Настоящій концертъ выгодно отличается отъ предшествующихъ тѣмъ, что на немъ, послѣ длиннаго промежутка, выступаетъ на сцену духовой оркестръ, который, вслѣдствіе нѣкоторыхъ матеріальныхъ затрудненій, пересталъ было существовать.

Струннымъ оркестромъ дирижировалъ воспитанникъ А. Хлопковъ (5—II).

Нельзя не упомянуть съ особенной благодарностью о превосходномъ аккомпаниментѣ В. Р. Ягеманъ.

Въ качествѣ декламаторовъ съ успѣхомъ выступали Н. Капацинскій и Н. Сперанскій, прочитавшіе довольно выразительно: первый—извѣстный стих. Апухтина „Сумасшедшій“, а второй—стих. Надсона „Полдороги“.

Было бы, конечно, заблужденіемъ думать, что весь интересъ вечера для воспитанниковъ заключался въ литературно-музыкальной его части. Присутствіе семинарскаго начальства, преподавателей, родственниковъ, близкихъ знакомыхъ и другихъ гостей, роль до нѣкоторой степени хозяевъ и активныхъ участниковъ развлеченій, семейная обстановка вечера и масса новыхъ впечатлѣній—все это, вмѣстѣ взятое, создавало пріятную атмосферу и обращало будни семинарской жизни въ радостный праздникъ.

Владимірское духовное училище. 1. Вечернія чтенія. 16-го октября вечеромъ послѣ всенощнаго бдѣнія въ рекреационномъ залѣ смотритель училища въ краткой бесѣдѣ ознакомилъ учениковъ съ тѣмъ замѣчательнымъ явленіемъ милости Божіей къ семьѣ Царствующаго Дома, которое 23 года тому назадъ послужило къ установленію молитвеннаго празднованія сего дня. При этомъ для иллюстраціи вывѣшено было имѣющееся въ училищѣ фотографическое изображеніе крушенія царскаго поѣзда при ст. Борки.—На другой день въ той же залѣ и въ то же время, въ виду исполнившагося наканунѣ 50 лѣтія со дня смерти поэта И. С. Никитина, г. смотритель познакомилъ учениковъ съ краткими біографическими свѣдѣніями печальной жизни послѣдняго и въ возможно доступной для возраста учениковъ формѣ раскрылъ особенности и значеніе его поэтической дѣятельности.

2. Прощаніе съ бывшимъ надзирателемъ А. И. Никологорскимъ. 22 октября въ день чествованія Казанской иконы Богоматери богослуженіе въ училищномъ храмѣ (наканунѣ всенощное бдѣніе, а въ самый день литургію съ молебнымъ пѣніемъ) совершилъ, согласно распоряженію Его Высокопреосвященства, бывший надзиратель за учениками свящ. А. И. Никологорскій. Отъ корпораціи училища о. Алексію, какъ бывшему доброму товарищу и сослуживцу, на память была поднесена въ изящномъ переплетѣ книга П. И. Нечаева: „Практическое руководство для священнослужителей“. Поднесеніе сопровождалось слѣдующимъ словеснымъ обращеніемъ смотрителя училища: „Дорогой о. Алексій Ивановичъ! Корпорація духовнаго училища, съ которой прекратилась Ваша служебная связь, искренно рада Васъ видѣть въ своей средѣ, чтобы на прощаніе высказать Вамъ чувства своего расположенія за недолгое, но весьма пріятное прошлое совмѣстной службы и искренно пожелать Вамъ успѣха въ Вашемъ новомъ и, дай Богъ, многолѣтнемъ пастырскомъ служеніи. Мнѣ одному хорошо было вѣдомо, какъ сильно, горячо было Ваше стремленіе служить во Владимірскомъ училищѣ. И на дѣлѣ Вы показали, что эта служба была Вамъ по сердцу. Не знаю, были ли Вамъ даже нужны и полезны тѣ наставленія и совѣты, какіе я имѣю обыкновеніе давать вновь поступающимъ въ училище надзирателямъ. Съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности Вы явились въ нашей средѣ хотя и младшимъ, но дорогимъ братомъ; а по отношенію къ питомцамъ заняли мѣсто брата старшаго съ открытой душой и

любящимъ сердцемъ. Повѣрьте, что такое отношеніе къ нашимъ дѣтямъ всѣмъ намъ хорошо было извѣстно и всѣми нами высоко цѣнилось, и исполняя въ этомъ духѣ свои скромныя надзирательскія обязанности, Вы, можете быть, дѣлали не менѣе каждого изъ насъ.

Вотъ чѣмъ Вы и снискали наше общее къ себѣ расположеніе, нашу искреннюю любовь. Надѣмся, что и въ своемъ высокомъ служеніи Вы своимъ добросердечіемъ привлечете къ себѣ пасомыхъ. Но пастырская дѣятельность такъ разностороння и многосложна, что здѣсь недостаточно одной голубиной кротости; нужно имѣть не мало и мудрости зминой. Желая быть хоть на первыхъ порахъ нѣсколько Вамъ полезной, придти посильно на помощь въ будущихъ Вашихъ недоумѣніяхъ и затрудненіяхъ, корпорація и рѣшила поднести Вамъ отъ себя испытанную по добропольности руководственную книгу Нечаева. Примите ее на доброе памятованіе о насъ и будьте нашимъ молитвенникомъ предъ престоломъ Всевышняго“. О. Алексѣй Ивановичъ, растроганный такимъ вниманіемъ, принесъ сердечную благодарность и за подарокъ, и за расположеніе къ нему корпораціи училища.

3. *Устройство читальни.* Съ 1-го ноября при училищномъ обществѣ для пансіонеровъ устроена особая читальня. Побужденіемъ къ этому послужили слѣдующія обстоятельства. Во 1-хъ, значительная часть учениковъ выучиваетъ уроки къ 7 часамъ вечера, и часто нѣкоторые изъ нихъ проводятъ время въ праздности. Правда, ученики получаютъ изъ бібліотеки книги для чтенія; но за неимѣніемъ особаго лица для исполненія обязанностей по бібліотекѣ и за многолюдствомъ училища, каждый классъ получаетъ книги только разъ въ недѣлю. Обыкновенно, имъ рекомендуется мѣняться книгами въ теченіе этого срока другъ съ другомъ. Но такъ какъ ученики среднихъ и малыхъ способностей не успѣваютъ скоро прочесть взятой книги, то обмѣнъ происходитъ только среди небольшой группы читателей, и въ половинѣ недѣли нѣкоторые изъ нихъ уже оказываются безъ чтенія, не зная часто на что употребить свободное время. Праздность же особенно погубна въ отроческомъ возрастѣ, такъ какъ наталкиваетъ дѣтей на шалости и непристойныя поступки. Во 2-хъ, выписываемые въ бібліотеку дѣтскіе журналы обычно выдавались ученикамъ по выходѣ ихъ изъ переплета, т. е. не ранѣе, какъ черезъ полгода послѣ выпуска ихъ изъ редакціи; между тѣмъ на страницахъ этихъ журналовъ помѣщаются часто статьи, имѣющія интересъ чисто временный (по поводу торжественнаго памятованія историческихъ событій, празднованія годовщинъ смерти и рожденія выдающихся писателей и дѣятелей и т. п.), и потому чтеніе ихъ полезно ученикамъ вскорѣ послѣ выхода книжекъ. Кромѣ сего, такое чтеніе журналовъ является прекрасной популяризацией ихъ. Обычно ученики привыкли больше читать отдѣльныя сочиненія, а журналовъ съ ихъ разностороннимъ содержаніемъ чуждаются, опасаясь во взятой книжкѣ найти мало для себя интереснаго и т. о. остаться на нѣкоторое время безъ чтенія. Посѣтители читальни, ознакомясь съ

текущими журналами, могут рекомендовать чтение тѣхъ или иныхъ изъ нихъ прочимъ товарищамъ.—Ученики съ удовольствіемъ посѣщаютъ читальню, и, въ виду малыхъ ея размѣровъ, пришлось установить очередь между посѣтителеми.

Двадцатипятилѣтіе служенія о. Іоанна Аникитича Прозорова въ санѣ священника села Троицкаго, Ковровскаго уѣзда.

О. Іоаннъ Прозоровъ—сынъ діакона села Александрова, Судогодскаго уѣзда. Обучался во Владимірскомъ духовномъ училищѣ и той же семинаріи, курсъ которой окончилъ въ 1885 году. Осенью того же года поступилъ законоучителемъ въ Нечаевское училище, Судогод. уѣзда. Молодой, энергичный Иванъ Аникитичъ не удовлетворился трудомъ учителя, а рѣшилъ посвятить себя трудному служенію въ санѣ священника. Въ 1886 году сентября 26-го дня І. А. Прозоровъ опредѣленъ былъ Высокопреосвященнымъ Θεогностомъ во священника въ село Троицкое, Ковров. уѣзда. Здѣсь о. Іоаннъ Прозоровъ 25 лѣтъ потрудился на нивѣ Христовой, не переставая возвѣщать глаголы и дѣянія Христовы и юнцамъ сначала приходской Θεодотовской, а потомъ и своей сельской Николо-Троицкой школы. Въ 1897 году о. Іоаннъ за труды по школѣ награжденъ былъ набедренникомъ. Вступивъ въ должность священника, о. Іоаннъ отдалъ всѣ свои силы и способности на служеніе своимъ духовнымъ чадамъ. Всегда честный, откровенный, исполнительный, доступный всѣмъ и каждому, съ добрымъ сердцемъ, о. Іоаннъ Прозоровъ скоро заслужилъ симпатіи своихъ прихожанъ, и отъ послѣднихъ приходится слышать объ о. Іоаннѣ самые лестные отзывы, напр. „нашъ батюшка простой, какъ отецъ родной“. Своими добрыми качествами о. Іоаннъ подкупилъ не только прихожанъ, но и духовенство І округа, Ковров. уѣз., которое избрало его, сравнительно молодого іерея, въ 1895 году членомъ благочинническаго совѣта. Вскорѣ дѣятельность о. Іоанна, расширилась. Въ 1900 г. онъ былъ избранъ и утвержденъ членомъ дѣтскихъ приютовъ Вѣдомства Императрицы Маріи, а въ 1901 г. за весьма усердное служеніе награжденъ скуфьей. Прослуживъ 15 лѣтъ, о. Іоаннъ приобрѣлъ извѣстную духовную опытность въ глазахъ духовенства г. Коврова, которое въ 1901 г. избрало его своимъ духовнымъ отцомъ, а въ 1907 г. и духовенство І округа, Ковр. уѣз., послѣдовало примѣру градскаго духовенства. За отлично усердное прохожденіе должностей о. Іоаннъ въ 1907 году награжденъ камилавкой.

Тернистъ и не широкъ путь пастыря; много скорбей и невзгодъ приходится за всю жизнь претерпѣть ему. Трудъ пастырства о. Іоанна проходилъ въ особо неблагоприятныхъ условіяхъ. Довольно указать лишь на то, что въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ о. Іоаннъ лишился своей до-

рогой подруги жизни, оставившей на его попечение четырехъ дѣтокъ. Но не палъ духомъ о. Іоаннъ. Со всей энергіей принялся онъ за воспитаніе своихъ дѣтей, и труды его не пропали даромъ, а увѣнчались полнымъ успѣхомъ. При помощи Божіей всѣ его дѣти благополучно окончили курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, а трое въ настоящее время обучаются въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. За свое же безукоризненное поведеніе и великіе труды онъ былъ почтенъ Епархіальнымъ начальствомъ, а у собратьевъ и прихожанъ заслужилъ глубокое уваженіе.

Питая уваженіе къ свѣтлой личности о. Іоанна, духовенство I округа, Ковров. уѣзда, и прихожане, узнавъ о имѣющемъ исполниться въ сентябрѣ мѣсяцѣ с. г. 25 лѣтнемъ служеніи его въ санѣ священника, рѣшили чествовать своего духовнаго отца, испросивъ на то Архипастырское разрѣшеніе. Днемъ чествованія было избрано 6-ое октября, какъ день, болѣе свободный отъ прямыхъ пастырскихъ обязанностей. 5-го октября и. д. благочиннаго, священникъ села Осипова, о. І. А. Малининъ прибылъ къ мѣсту жительства о. Іоанна, въ с. Троицкое и въ 5 ч. в. вмѣстѣ съ нимъ отправили всенощное бдѣніе. 6-го числа въ 9 ч. утра начался благовѣстъ къ литургіи, во время котораго двое изъ священниковъ, отправились въ домъ о. Іоанна и, пригласивъ его въ храмъ, сопровождали до него. При входѣ въ храмъ, священно-церковно-служители встрѣтили виновника торжества пѣніемъ входнаго «Достойно есть». По прочтеніи входныхъ молитвъ и часовъ началось соборное служеніе литургіи во главѣ съ о. Іоанномъ, при участіи и. д. благочиннаго о. І. А. Малинина и священника о. І. А. Благодосклонова. По окончаніи литургіи, прибывшіе іереи вышли на середину храма для совершенія благодарственнаго молебствія. Передъ молебствіемъ о. І. А. Прозоровъ обратился къ духовенству и прихожанамъ съ рѣчью. Здѣсь онъ, говоря объ условіяхъ пастырскаго служенія вообще, со слезами на глазахъ косвенно упомянулъ о своемъ вдовствѣ, какъ одномъ изъ условій, лишающемъ энергіи и самую сильную волю и заставляющемъ едва не отчаяваться и самое мужественное сердце, а послѣ того выразилъ чувства признательности духовенству и прихожанамъ за нравственное сочувствіе и поддержку, выразившіяся въ чествованіи его. Затѣмъ сказалъ слово и. д. благочиннаго о. І. А. Малининъ. Говоря о доблестномъ служеніи юбиляра, о. Малининъ упомянулъ о годахъ его одиночества, которые не привели о. Іоанна къ гибели, а, при помощи Божіей, усугубили его дѣланіе какъ пастыря и отца дѣтямъ. Въ заключеніе и. д. благочиннаго отъ лица духовенства округа просилъ о. Іоанна, какъ знакъ сердечной признательности и глубокаго уваженія къ духовному отцу своему—принять икону Св. Іоанна Златоустаго, его небеснаго покровителя, которую и вручилъ о. Іоанну депутатъ округа о. Влад. Троицкій. Поднося икону, о. депутатъ кратко выразилъ пожеланіе виновнику торжества дожить до 50 лѣтняго юбилея. Послѣ сего выступили представители отъ прихожанъ: старосты церквей, находящихся въ

приходъ Троицкой и Никольской. Одинъ изъ нихъ держалъ икону Спасителя, а другой прочиталъ заключенный въ очень приличную папку адресъ. Въ немъ высказано было, что о. Іоаннъ нелѣпно поучалъ прихожанъ заповѣдямъ Божиимъ, словомъ и дѣломъ помогалъ въ житейскихъ ихъ нуждахъ; при отправленіи службъ церковныхъ и разныхъ требъ, прихожане видѣли въ немъ всегда усерднаго труженика, съ радостію исполняющаго свой святой долгъ во всякое время дня и ночи. Стараніями о. Іоанна украшены храмы приходскіе, устроена земская школа и два церковныхъ дома: для псаломщика и сторожа. Вообще своею дѣятельностію и добрымъ отношеніемъ къ прихожанамъ о. Іоаннъ, по словамъ адреса, заслужилъ у нихъ благодарность и любовь, въ знакъ чего представители прихожанъ просили принять отъ нихъ икону Спасителя. По принятіи иконы, началось благодарственное молебствіе, въ концѣ коего, кромѣ обычныхъ многолѣтій, было приложено многолѣтіе и виновнику торжества. Окончивъ церковное богослуженіе, собравшееся духовенство, въ преднесеніи иконъ, врученныхъ о. Іоанну и при пѣніи „Тебе Бога хвалимъ“, сопровождало его изъ храма до дома. Здѣсь о. прот. г. Коврова А. И. Благовѣщенскій отъ имени градского духовенства поднесъ о. Іоанну полное собраніе сочиненій на русскомъ языкѣ его небеснаго покровителя, св. Іоанна Златоустаго и письменный приборъ. Послѣ всего этого радушнымъ хозяиномъ предложены были собравшимся чай и закуска.

Въ заключеніе присоединимся къ пожеланію, чтобы Господь помогъ о. Іоанну дожить, не ослабѣвая въ дѣланіи на нивѣ Христовой, до 50 лѣтняго юбилея.

Священникъ *Алексій Забылинъ*.

Иноепархіальныя извѣстія.

— На справкѣ по прошенію одного изъ псаломщиковъ Рязанской епархіи, просившаго объ оставленіи его на занимаемомъ имъ псаломщическомъ мѣстѣ, по вступленіи его въ бракъ съ дочерью мѣстнаго діакона, резолюція Его Преосвященства, Преосвященнаго Дмитрія, Епископа Рязанскаго и Зарайскаго, отъ 18 сентября 1911 года за № 5600, послѣдовала такого содержанія: «Пусть проситель остается на своемъ мѣстѣ, но впредь нужно требовать, чтобы просящіе разрѣшенія вступить въ бракъ псаломщики или лица, предназначенныя къ посвященію въ священный санъ, въ своихъ прошеніяхъ указывали бы на то, что со вступленіемъ въ бракъ они входятъ вновь въ родство съ кѣмъ либо изъ своихъ сослуживцевъ, или не входятъ. А если вступающіе въ бракъ будутъ въ прошеніяхъ скрывать подобныя обстоятельства, то я на будущее время не буду оказывать снисхожденія, подобнаго настоящему, а буду въ подобныхъ случаяхъ требовать перехода въ другой приходъ. Это объявлять къ свѣдѣнію и исполненію всему духовенству епархіи». («Рязан. Епар. Вѣд.», № 21).

— На справкѣ по прошенію одного изъ псаломщиковъ Рязанской епархіи, домогающагося получить діаконскій санъ и штатное діаконское мѣсто, коему, во исполненіе резолюціи бывшаго Рязанскаго Епархіальнаго Преосвященнаго, Епископа Никодима, отъ 17 фѣвраля 1909 года за № 863, неоднократно было объявлено, что онъ, въ виду касавшагося до него дѣла о нетрезвости, „ранѣе трехлѣтняго безукоризненнаго и трезвеннаго поведенія“, не получитъ діаконскаго мѣста, резолюція Его Преосвященства, Преосвященнаго Димитрія, Епископа Рязанскаго и Зарайскаго, отъ 29 сентября 1911 года за № 5870, послѣдовала такого содержанія: „Конечно, проситель знаетъ резолюцію Преосвященнаго Никодима, отъ 17 фѣвраля 1909 года за № 863, по которой ему объявлено, что ранѣе 3-хъ лѣтъ не получитъ діаконскаго сана. Послѣ сего зачѣмъ же онъ дерзнулъ ранѣе этого срока подать мнѣ настоящее прошеніе? Думалъ, что меня легко обмануть, и воображалъ, что я не справлюсь съ его прошлымъ. Объявляю просителю за это строгій выговоръ, и пусть онъ не надѣется получить діаконскаго сана по крайней мѣрѣ въ теченіе еще трехъ лѣтъ, и при томъ подъ условіемъ безупречнаго поведенія. Вообще я замѣтилъ, что здѣсь, въ Рязанской епархіи, духовенство слишкомъ любитъ часто перемѣнять мѣста, а псаломщики слишкомъ скоро стремятся во діаконы, а діаконы, не имѣющіе средняго образованія,—во іереи. Дерзаютъ подавать мнѣ о семъ прошенія даже штрафованные и судимые, едва успѣвшіе отбыть наказаніе. Въ виду всего изложеннаго предлагаю консисторіи объявить къ исполненію всему духовенству епархіи слѣдующее: 1) чтобы никто изъ судившихся и отбывавшихъ наказанія, записанныя въ формулярѣ, подъ угрозою строгаго наказанія, не смѣлъ мнѣ подавать прошеній о перемѣщеніяхъ на лучшія мѣста, возведеніи въ санъ діакона и священника до тѣхъ поръ, пока они хорошимъ поведеніемъ не исправятъ своего формуляра. 2) И по исправленіи формуляра установленнымъ законами порядкомъ, никто не долженъ подавать мнѣ вышеуказанныхъ прошеній ранѣе, чѣмъ черезъ два года. 3) Практика и распоряженія моего предшественника, Преосвященнаго, Никодима, относительно сроковъ, по окончаніи которыхъ могутъ и незапятнанныя по суду и слѣдствію лица полавать прошенія о перемѣщеніяхъ, повышеніяхъ (напр. 25-ти лѣтній возрастъ для діакона безъ образовательнаго ценза), о допущеніи къ экзаменамъ и т. п. будутъ исполняться и мною. 4) Исключительно одною только много-семейностью при назначеніяхъ и перемѣщеніяхъ духовенства я не считаю для себя обязательнымъ руководиться. Это принципъ не церковный. А я въ назначеніяхъ и перемѣщеніяхъ буду руководиться прежде всего желаніемъ принести больше пользы Церкви Божіей, на служеніе которой я самъ призванъ и обязанъ призывать подчиненное мнѣ духовенство. 5) Вообще я не буду спѣшить возведеніемъ въ санъ діакона псаломщиковъ и щедро раздавать имъ діаконскія мѣста, которыя они должны заслужить хорошимъ поведеніемъ и исполнительностію». („Ряз. Еп. Вѣд.“, № 21).

— На прошеніи одного изъ членовъ причта епархіи объ отсрочкѣ ему, по семейнымъ обстоятельствамъ, исполнить положенное на него по

касавшемуся до него дѣлу монастырское подначаліе Его Преосвященствомъ, Преосвященнымъ Димитріемъ, Епископомъ Рязанскимъ и Зарайскимъ, 10 октября сего года за № 6042, дана слѣдующая резолюція: „Объявить къ свѣдѣнію духовенства, что я не буду дозволить такихъ отерочекъ, и каждый обязанъ исполнить наложенное на него наказаніе своевременно“. («Ряз. Еп. Вѣд.», № 21).

— На основаніи журнальнаго постановленія Правленія Казанской духовной семинаріи отъ 15 сент. 1911 г., утвержденнаго Его Высокопреосвященствомъ 24 сентября того же года, введены слѣдующія правила относительно опущенія воспитанниками Казанской духовной семинаріи уроковъ:

1) Воспитаникъ, пропустившій одну четверть изъ всего количества данныхъ въ учебномъ году гг. преподавателями уроковъ, не допускается до экзаменовъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда Правленію семинаріи достовѣрно извѣстны: фактъ его дѣйствительно болѣзненнаго состоянія, удостовѣряемый врачами, и предшествующія: благоповеденіе, аккуратность и сравнительная успѣшность.

2) О тѣхъ воспитанникахъ, которые въ теченіе извѣстной учебной четверти опустили четвертую часть уроковъ, Правленіе семинаріи, по докладу г. инспектора, входитъ въ сужденіе о степени уважительности причинъ такого опущенія и съ своей стороны принимаетъ мѣры исправительно-наказательнаго характера по отношенію къ тѣмъ воспитанникамъ, которые опустили уроки по причинамъ недостаточно уважительнымъ, включительно до лишенія стипендій и пособій.

3) Г.г. преподавателямъ семинаріи рекомендуется таковымъ воспитанникамъ выставлять удовлетворительные баллы за истекшую четверть не иначе, какъ по удостовѣренію знанія ими всего пройденнаго въ опущенное время.

4) Воспитанники, проживающіе на наемныхъ квартирахъ (а не у родителей или ближайшихъ родственниковъ), въ случаѣ заболѣванія, должны въ то же утро являться къ г. инспектору, который и отправляетъ ихъ съ запиской въ семинарскую больницу, — какъ за медицинской помощію, такъ и для засвидѣтельствованія самаго факта и степени болѣзни, — въ случаѣ же тяжелой болѣзни, препятствующей личной явкѣ въ семинарскую больницу, должны въ тотъ же день черезъ товарищей или по почтѣ извѣстить объ этомъ инспекцію.

5) Родители или ближайшіе родственники, — въ случаѣ болѣзни проживающихъ у нихъ воспитанниковъ семинаріи, — въ тотъ же день извѣщаютъ инспекцію о ихъ болѣзни.

6) Въ случаѣ неисполненія условій, означенныхъ въ пунктахъ 4 и 5, неявка на уроки считается не заслуживающею уваженія и въ свое время (при очередномъ собраніи) Правленіе семинаріи входитъ въ особое сужденіе о ней.

7) Къ случаямъ неявки воспитанниковъ къ началу уроковъ послѣ каикулъ приложить мѣры, выработанныя въ 1903 году Правленіемъ семина-

ріи, утвержденныя и дополненныя резолюціею Высокопреосвященнѣйшаго Димитрія, Архієпископа Казанскаго и Свіяжскаго, отъ 25 февраля 1904 г. за № 392, а именно:

а) „Списки воспитанниковъ, не явившихся въ семинарію къ самому началу учебныхъ занятій, по донесеніи объ нихъ Его Высокопреосвященству печатать въ „Извѣстіяхъ по Казанской Епархіи“.

б) Всѣмъ воспитанникамъ, внесеннымъ въ этотъ списокъ, убавлять на единицу баллы по поведенію за четверть учебнаго года, непосредственно слѣдующую за вакаціями.

в) При приѣмѣ на казенное содержаніе и стипендіи при одинаковомъ семейномъ положеніи, матеріальномъ состояніи, успѣхахъ и поведеніи воспитанниковъ отдавать предпочтеніе тѣмъ изъ нихъ, кои своевременно будутъ являться въ семинарію послѣ лѣтнихъ и зимнихъ вакацій.—Неявившіеся болѣе недѣли и уволенные, а послѣ принятыя по снисхожденію, могутъ быть лишены казеннаго содержанія или стипендіи въ пользу своихъ болѣе исправныхъ товарищей“: („Извѣст. по Казан. Епар.“, № 42).

— На Казанскомъ Епархіальномъ сѣздѣ былъ заслушанъ текстъ молитвы, испрашивающей помощь Божію для избавленія отъ пьянства. Молитва сія составлена предсѣздною комиссіею согласно постановленію епарх. сѣзда 1910 г.

Сѣздъ текстъ молитвы одобрилъ и просилъ Его Высокопреосвященство обратиться съ ходатайствомъ о введеніи сей молитвы для чтенія въ храмахъ Казанской епархіи на литургіи послѣ заамвонной молитвы.

На семь постановленіи резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала такая: „2 сент. 1911 г. На литургіи послѣ заамвонной молитвы уже положено чтеніе извѣстной молитвы. Довольно. Чтеніе новой молитвы положить развѣ на молебствіяхъ о трезвости“. Архієпископъ Іаковъ.

— Архієпископъ Антоній Волинскій обратился къ духовенству Волинской епархіи съ слѣдующимъ распоряженіемъ. „До свѣдѣнія моего доходить, что нѣкоторые священники Волинской епархіи выдаютъ различнымъ лицамъ имѣющіеся во вѣранныхъ имъ храмахъ памятники старины, ненужные для церковнаго употребленія. Происходитъ это большею частію отъ невѣдѣнія и излишней довѣрчивости, а иногда и—стыдно признаться—ради денежной мзды или иныхъ земныхъ выгодъ. Вслѣдствіе сего считаю нужнымъ напомнить приходскимъ священникамъ, что они являются не собственниками, а лишь хранителями имущества вѣранныхъ ихъ попеченію храмовъ. Согласно неоднократнымъ распоряженіямъ Святѣйшаго Синода всему имуществу церковному, хотя-бы и ненужному для употребленія, должна вестись подробная опись и ни одного перечисленнаго въ сей описи предмета священникъ не въ правѣ отчуждать безъ особаго на то разрѣшенія Епархіальнаго начальства. Тѣмъ паче недостойна званія священника торговля церковнымъ имуществомъ, хоть бы она имѣла мѣсто не прямо на деньги, а ради приобрѣтенія благоволенія и извѣстныхъ матеріальныхъ выгодъ отъ приобрѣтателя.

Вслѣдствіе сего считаю нужнымъ строжайше подтвердить приходскимъ священникамъ епархіи, чтобы они никоимъ образомъ не дерзали выдавать кому бы то ни было, не снабженному надлежащимъ удостовѣреніемъ отъ Епархіальнаго начальства,—предметовъ церковной старины и иныхъ, хотя бы и ненужныхъ для церковнаго употребленія вещей. Виновные въ неисполненіи сего распоряженія будутъ подвергнуты строгому наказанію.

Одновременно съ симъ приношу благодарность настоятелямъ церквей, представившимъ подробные рапорты о церковныхъ древностяхъ въ ихъ приходахъ и предлагаю поспѣшить представленіемъ такихъ рапортовъ священникамъ нижепрочечатанныхъ приходовъ, не исполнившимъ еще своей обязанности. 26 октября 1911 г. („Вол. Еп. Вѣд.“, № 46).

Извѣстія и замѣтки.

Въ Св. Синодѣ обсуждался весьма важный, принципиальный вопросъ о томъ, подлежатъ ли исполненію приговоры свѣтскаго суда о присужденіи къ заключенію въ монастырь, когда лица, приговоренныя къ этому заключенію, оказываются принадлежащими къ иновѣрью или сектанству. Поводомъ къ возникновенію этого вопроса послужило дѣло двухъ лицъ, обвинявшихся въ кровосмѣшеніи. Хотя послѣдніе и заявили при судовореніи, что они перешли въ инославіе, однако судъ, опираясь на официальные документы, гдѣ они числились православными, приговорилъ ихъ къ заключенію въ монастырь. Игуменъ обители отказался однако принять къ себѣ иновѣрцевъ, и ихъ пришлось водворять въ монастырь силою. Находя, что исполненіе подобныхъ приговоровъ, не принося никакой пользы духовной виновнымъ, будетъ дѣйствовать развращающе на монастырскую братію, Св. Синодъ постановилъ просить министра юстиціи объ освобожденіи православныхъ монастырей отъ заключенія въ нихъ иновѣрцевъ и сектантовъ. («Новое время», № 12819).

Советъ министровъ одобрилъ въ существѣ предложенія вѣдомства православнаго исповѣданія о прекращеніи права іерарховъ и прочихъ монашествующихъ властей завѣщать имуществомъ, признавъ, что такое по кончинѣ монашествующихъ должно обращаться всегда въ монастырскую казну или въ пользу другихъ дух. учрежденій по принадлежности. Соотвѣтствующій законопроектъ, послѣ нѣкоторыхъ редакционныхъ его исправленій, будетъ внесенъ въ Гос. Думу. („Колоколь“, № 1688).

Изъ полученнаго отъ посланника въ Тегеранѣ телеграфнаго сообщенія усматривается, что **меджлисъ большинствомъ голосовъ рѣшилъ отклонить требованія Русскаго Правительства**, о чемъ Тегеранскимъ кабинетомъ доведено до свѣдѣнія Императорской комиссіи 18 ноября, въ пятницу, въ полдень.

Вслѣдствіе этого, Русскимъ Правительствомъ сдѣлано распоряженіе о дальнѣйшемъ движеніи по направленію къ Тегерану отряда, сосредоточившагося въ Решть. (ОБ).

— Канцелярією оберъ-прокурора Св. Синода внесенъ въ законод. учрежденія **проектъ штатовъ епарх. женскихъ училищъ** и положеніе о служебныхъ и пенсіонныхъ правахъ преподавателей епарх. женскихъ училищъ, а равно о правахъ воспитанницъ, оканчивающихъ двухгодичный курсъ VII дополнительнаго класса. („Колоколь“, № 1687).

— **Высокопресвященный Антоній митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій** проводилъ министру внутреннихъ дѣлъ сенатору Макарову отъ своего имени и отъ

имени брати Александро-Невской лавры 10.000 руб. для обращения этой суммы, по усмотрению министра, на нужды пострадавшего от недорода населения. („Новое Время“, № 12818).

— Одинъ изъ Епарх. преосвященныхъ просилъ разъясненія, **могутъ ли члены правленія дух. училищъ** отъ духовенства **быть депутатами и предсѣдателями** на окружныхъ учил. съѣздахъ. Св. Синодъ призналъ изъбрание членовъ училищнаго правленія отъ духовенства депутатами и предсѣдателями окружныхъ съѣздовъ духовенства несогласнымъ съ уставомъ духовныхъ училищъ. („Колоколь“, № 1685).

— **Св. Синодъ опредѣлилъ поручить** членамъ учебнаго комитета произвести въ текущемъ учебномъ году **ревизію слѣдующихъ духовно-учебныхъ заведеній**: а) д. с. с. Тихомирову—оренбургской и тамбовской духовныхъ семинарій, оренбургскаго, челябинскаго и тамбовскаго епархіальныхъ женскихъ училищъ, оренбургскаго, челябинскаго, 1-го тамбовскаго, 2-го тамбовскаго серафимовскаго, липецкаго и шацкаго духовныхъ училищъ; б) д. с. с. Саввайтскому—тифлисскаго и казанскаго духовныхъ семинарій, тифлисскаго-іоанниевскаго, имеретинскаго-гавриловскаго и казанскаго епархіальныхъ женскихъ училищъ, тифлисскаго, горійскаго, телавскаго, кутаисскаго, мингрельскаго, озургетскаго и казанскаго духовныхъ училищъ; в) с. с. Полянскому—тверскихъ и костромскихъ духовныхъ семинарій и епархіальныхъ женскихъ училищъ, тверскаго, кашинскаго, краснохолмскаго, новоторжскаго, бѣжецкаго, оштинскаго, костромскаго, галичскаго, кинешемскаго, макарьевскаго и солигаличскаго духовныхъ училищъ и г) н. с. Блявскому—витебской и воронежской духовныхъ семинарій, спасо-евфросиніевскаго, полоцкаго и воронежскаго епархіальныхъ женскихъ училищъ, витебскаго, полоцкаго, воронежскаго, павловскаго, задонскаго и бирюченскаго духовныхъ училищъ (ОБ).

— Согласно ходатайству военнаго министра **Св. Синодъ постановилъ** въ молитву передъ ученіемъ и послѣ ученія **внести** въ соответственныхъ мѣстахъ **молитвенное напоминаніе о Государѣ**. Въмѣстѣ съ тѣмъ Св. Синодъ исправилъ славянскій текстъ этихъ молитвъ, бывшій совершенно невѣрнымъ. („Колоколь“, № 1686).

— Издающійся при петербургской духовной академіи журналъ «Церковный Вѣстникъ» за послѣднее время сталъ открыто выступать противъ нѣкоторыхъ намѣченныхъ Св. Синодомъ реформъ и, въ особенности, противъ реформы духовно-учебныхъ заведеній. Въ виду отказа редакціи измѣнить направленіе помѣщаемыхъ въ названномъ журналѣ статей, былъ поднятъ вопросъ о прекращеніи его изданія. Желая однако сохранить существующій уже свыше полулѣтка органъ, митрополитъ Антоній предложилъ редактору его, профессору Б. В. Титлинову, отказаться отъ редакторства, а ректору академіи, епископу Георгію избрать, по предоставленному ему новымъ академическимъ уставомъ праву, другого редактора. Предложеніе это было исполнено, и въ засѣданіи Св. Синода утверждено редакторомъ «Церковнаго Вѣстника» профессоръ И. И. Соколовъ. („Новое Время“, № 12817).

Редакторъ **Н. Малицкій**.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Открыта подписка
на 1912 г.

(23-й г. изд.)

Подписной годъ
считается съ 1-го
ноября 1911 г. по
1 ноября 1912 г.

ПРИРОДА И ЛЮДИ

52 №№ художественно-иллюстрированного журнала. Романы, повѣсти и рассказы. Живописныя путешествія. Описание чудесъ природы. Диковинки животн. и растит. міра. Очерки по всѣмъ отраслямъ знанія. Новѣйш. открытія и изобрѣтенія. Спортъ, новости по авіаціи, задачи на преміи и т. п.

Журналъ «Природа и Люди» Мин. Нар. Просвѣщ. допущенъ въ учительск. библиотеки низшихъ учебныхъ заведеній, въ ученическая библиотеки средн. учебн. зав. и город. училищъ, въ безпл. народн. чит. и библи.

Безплатныя приложенія: абонементъ № 1, или № 2, или № 3, по выбору г.г. подписчиковъ:

Абонементъ № 1.

40 книгъ 8,000 богато-иллюстрированного полнаго собранія романовъ

А. ДЮМА.

Подъ редакціей П. В. Быкова.

Едва ли существуетъ уголокъ цивилизованнаго міра, гдѣ бы не знали и не любили этого короля французскихъ романистовъ, но на русскомъ языкѣ до сихъ поръ не было полнаго собранія сочиненій А. Дюма, а нѣкоторые его романы никогда не переводились на русской языкъ. Поэтому, предпріятое нами новое издание сочиненій А. Дюма является первымъ полнымъ русскимъ изданіемъ. Настоящее издание является тѣмъ болѣе цѣннымъ, что заключаетъ въ себѣ болѣе 1,000 иллюстрацій.

40 книгъ полн. собран. ром. Дюма (первая половина) будутъ заключать слѣдующ. произведенія:

Тайный заговоръ.—Ущелье дьявола.—Графъ Монте-Кристо.—Приключенія Джона Девиса.—Три мушкетера.—Двадцать лѣтъ спустя.—Виконтъ де-Бражелонъ.—Женская война.—Черный тюльпанъ или плѣнникъ Левенштейнскаго замка.—За королеву (Шевалье д'Арманталь).—Ожерелье королевы.—Анжъ Питу.—Тысяча и одинъ призракъ.—Калабрійскіе бандиты.—Невѣста республиканца.—Вѣрность до гроба.—Путешествіе Пайо.—Мюратъ.—Петръ Жестокій.—Приключенія капитана Маріона. Остальныя 40 книгъ полн. собр. романовъ А. Дюма будутъ даны въ 1913-мъ году.

Абонементъ № 2.

24 книги 4,800 стр. полное иллюстриров. собраніе романовъ знаменитаго писателя-моряка.

КАПИТАНА МАРРИЭТА

Морской офицеръ.—Королевск. собственность.—Приключенія Якова Вѣрнаго.—Трияхты.—Мичманъ Изи.—Многосказочный паша.—Браконьеръ.—Корабль-призракъ.—Приключ. собаки.—Персиваль Кингъ.—Кораблекрушеніе въ Великомъ океанѣ.—Сто лѣтъ назадъ.—Приключенія въ Африкѣ, Канадскіе поселенцы.—Маленькій дикарь.—Приключ. Петра Симпла.—Пиратъ и др.

12 книгъ 2,600 ст. художеств. лит-тератур. ежемѣсячника **МІРЪ ПРИКЛЮЧЕНІЙ.**

Въ изящныхъ книгахъ „Міра Приключеній“ помѣщаются только новѣйшія произведенія русской и иностран. литературы: романы повѣсти и рассказы. Въ 1912 г. будутъ помѣщены, между проч., слѣд. произведенія: Въ горахъ Даури. Ром. изъ жизни русскихъ золотоискателей. П. Вьлецкаго.—Шакалы пустыни. М. Первухина.—Казачьи могилы. Ѳ. Тютчева.—Отрава. М. Алазанцева.—„Венита“, ром. Р. Хаггарда.—Аэропланъ-привидѣніе романъ. Поля д'Ивуа.—До чего они дошли Разск. семи автор.—Вашня молчанія. В. Пигуда.—Золотые слитки. М. Пембертона.—Корабль сокровищъ. О. Холля.—Наперегонки съ солнцемъ. М. Мидъ и друг.

5 книгъ свыше 400 иллюстр. роскошно иллюстриров. сочиненія **ЗЕМЛЯ ДО ПЯВЛЕНІЯ ЧЕЛОВѢКА**

Профессора І. Вальтера.

Абонементъ № 3.

12 книгъ около 2,500 стр. полное собраніе сочиненій гениальнаго критика. **И. А. ДОБРОЛЮБОВА**

съ портретомъ автора и біографич. очеркомъ.

И. А. Добролюбовъ принадлежитъ къ тѣмъ любимцамъ судьбы, произведенія которыхъ на многіе десятии и сотни лѣтъ переживаютъ своихъ творцовъ, не утрачивая современности. Его сочиненія должны быть настольными книгами каждаго интеллигентнаго читателя.

6 книгъ 680 стран. больш. форм. **ПЕТРА ВЕЛИКАГО**
богато иллюстриров. исторія.

Сочиненіе всемірно извѣстн. профессора русской исторіи А. Г. Брикнера.

Сочиненіе профессора Брикнера представляетъ громадный вкладъ въ литературу, оцѣненный по достоинству и у насъ, и за границей

5 книгъ свыше 400 иллюстр. роскошно-иллюстр. сочиненія **ЗЕМЛЯ ДО ПОЯВЛЕНІЯ ЧЕЛОВѢКА**

Живописная исторія земли и жизни на землѣ, начиная съ туманной дали съдой древности и до появленія на землѣ перваго человѣка.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На 52 №№ журнала «Природа и Люди» съ бесплатнымъ приложеніемъ одного изъ трехъ абонементовъ (по выбору гг. подписчик.)

6 рубъ въ годъ безъ доплатъ, **7** руб. въ годъ съ доплатой. Разсрочка допускается: при под-
ставки и пересылки. ставкой и пересылкой. пискъ 3 р., къ 1 апрѣля 2 р. и къ
1 июля остальные. Или въ теченіе первыхъ 7 мѣсяцевъ, начиная съ ноября, по 1 р.
Желающіе могутъ одновременно съ подпискѣю на любой абонементъ, сверхъ того,
получать, по своему выбору, любыя приложенія изъ другихъ абонементовъ, но за
особую доплату, а именно: Соч. кап. Марриета въ 24 кн. за доплату 3 руб. 20 коп.
„Миръ Приключеній“—12 кн. за 1 руб. 80 коп. „Земля до появленія человѣка“—5 кн.
за 1 руб. 60 коп Соч. И. А. Добролюбова—12 кн. за 2 руб. 80 коп. «Исторія Петра
Великаго»—6 кн. за 2 руб. 40 коп. Соч. А. Дюма—40 кн. за 5 руб. 20 коп.

Разсрочка за доплатныя приложенія допускается; при выпискѣ на сумму до
3 р., слѣдуетъ уплатить при подпискѣ не менѣе одного руб.; при выпискѣ на сумму
болѣе 3 р., слѣд. уплат. при подп. не менѣе 2 р. Остальная сумма должна быть
ушлач. не позднѣе 1 апрѣля.

Главная Контора: С.-Петербургъ, Стремянная, 12, с. д. Изд. П. П. Соинкинъ.

При каждомъ № «Нивы» подписчики получаютъ по одной книгѣ, всего въ годъ **52 книги.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на **1912 годъ**

(43-й годъ изданія)

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ
со многими приложеніями

Гг. подписчики „Нивы“ получаютъ въ теченіе 1912 года:

52 №№ еженедѣльн. художеств. литер. журн. „Нива“: романы, повѣсти и рассказы
критич. и популярно научн. очерки, біографіи, обзоры дѣятельности Госуд. Думы
и политич. обзорнія; рис. въ краск., снимки съ картинъ, рисунки, фотоэтюды и
иллюстраціи соврем. событій; рядъ очерковъ и рисунокъ будетъ посвященъ столѣтію
Отечественной войны.

52 книги, отпечатанныя убористымъ четкимъ шрифтомъ, въ составъ которыхъ
войдетъ:

12 книгъ ежемѣсячнаго журнала «литературныя и популярно-научныя приложенія»:
романы, повѣсти, рассказы, популярно-научн. и критич. статьи современныхъ
авторовъ съ иллюстраціями и отдѣлы бібліографіи, смѣси, шахматъ и шашекъ, за-
дача и игръ.

40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“ **40** книгъ,
содержащихъ четыре полныхъ собранія сочиненій (стоящихъ въ отдѣльн. продажѣ
свыше 30 р.), которыя подписчики получаютъ полностью въ теченіе одного 1912 года:

Полное собраніе **Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО.**
сочиненій

Помяловскій, литературный сверстникъ Тургенева, Гончарова, Достоевскаго Писемскаго, пришелъ въ общество съ новыми словами любви и скорби къ презрѣнному мѣщанину и плебею. Его „Мѣщанское счастье“ и „Молотовъ“, — цѣлая эпопея о томъ, какъ зарождается, развивается и течетъ жизнь нашего средняго трудового чиновничества. Съ именемъ Помяловскаго неразрывно связаны его знаменитые „Очерки бурсы“.

Полное собраніе сочиненій **А. И. КУПРИНА.**

(Будетъ дополнено произведеніями, не вошедшими въ издан. пока томы полн. собр. его сочиненій).

Купринъ—писатель XX вѣка по идеямъ и по времени возникновенія своей литературной славы. Онъ душевно близокъ обществу, не стремится поучать, проповѣдывать, стать выше общества, а, наоборотъ, опускается въ смрадные глубины жизни, въ „ямы“ и болота. Купринъ постигъ душу новаго дѣловаго, разеудитливнаго поколѣнія, и сталъ его любимымъ пѣвцомъ—пѣвцомъ воли, знаменосцемъ сильныхъ.

Полное собраніе стихотвореній **А. А. ФЕТА.**

Ни у одного изъ нашихъ поэтовъ не имѣетъ такого преобладающаго значенія чувство природы, какъ у Фета. И его чувство природы всегда совпадаетъ съ чувствомъ родины. Поэтъ-лирикъ въ самомъ высшемъ значеніи этого слова. Фетъ возвышается надъ словомъ, и его пѣвучіе стихи—чистая музыка.

Полное собраніе сочиненій **Оск. УАЙЛЬДА.**

Пѣвецъ культурнаго дерзновенія, жрецъ искусства для искусства, тонкій знатокъ античнаго міра, Уайльдъ, какъ беллетристъ, исключителенъ своимъ особымъ даромъ будить мысль и чувство. Крупнѣйшее беллетристическое произведеніе Уайльда—„Портретъ Доріана Грея“ и его мрачная „Баллада изъ Рэдингской тюрьмы“—по захватывающему интересу и художественной глубинѣ переживаній человѣческой души—произведенія совершенно исключительныя въ мировой литературѣ. «Сказки» Уайльда поставили его имя въ рядъ съ безсмертнымъ именемъ Андерсена.

12 №№ „Парижскихъ Модъ“. До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гра- **12** листовъ: до 300 рукодѣльн. и вы-
вюръ. Съ почтовымъ ящачкомъ. 300 чертежей выкроек.

1 «Отрывной Ежемесячный Календарь» на 1912 годъ, отпечатанный красками.

Подписная цѣна „Нивы“ со всѣми прилож. на годъ: Разсрочка платежа въ
Въ С.-Пе-) безъ доставки—6 р. 50 к. | Съ перес. во | 2, 3 и 4 кроа.
тербургѣ:) съ доставкой—7 р. 50 к. | всѣ мѣста |
Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, въ конторѣ | Россіи **8** р. |
Н. Печковской—7 р. 25 к.; 2) въ Одессѣ, | **8** р. |
въ книжн. магаз. «Образованіе» 7 р. 50 к. | За границу **12** р. |
Иллюстрированное
объявленіе о подпискѣ
высылается бесплатно.

Адресъ: С-Петербургъ, въ контору журнала „Нива“, улица Гоголя, № 22.

II-й годъ изд.

Открыта подписка на 1911—12 годъ

II-й годъ изд.

(подписной годъ съ 1-го ноября 1911 г. по 1-е ноября 1912 г.)

на ежемѣсячный роскошно иллюстрированный художе-
ственно-литературный и научный журналъ

„СВОБОДНЫМЪ ХУДОЖЕСТВАМЪ“,

посвященный живописи, скульптурѣ, архитектурѣ, художественной литера-
турѣ, театру, музыкѣ, художественной промышленности и художественному
воспитанію,

съ приложеніемъ еженедѣльной, издаваемой въ теченіе зимняго сезона, ГАЗЕТЫ

„ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ“,

посвященной вопросамъ текущей злободневной, профессиональной и общественной
жизни міра художественнаго, литературнаго, театрального и музыкальнаго.

Въ журналѣ и газетѣ принимаютъ участіе дѣйствительно лучшія наши художественныя и литературныя силы. Въ истекшемъ подписномъ году даны произведенія В. Чирикова, И. Потапенки, А. Каменскаго, Вл. Гордина, А. Рославлева, Вл. Ленскаго, Фед. Сологуба, Сергѣя Городецкаго, П. Кожевникова, А. Фаресова, Ф. Д. Батюшкова, Вл. Чешихина, Б. Шуйскаго, Семенова-Волжскаго, Ф. Купчинскаго, Вл. Бочановска, го, гр. Ив. Толстого, И. Гинсбурга, Рериха, Рѣпина, Бакста, Маковскихъ, Чистякова, Юона, Якунчиковой, Аронсона и цѣлаго ряда другихъ известныхъ русскихъ писателей и художниковъ. Кромѣ того даны репродукціи съ великихъ твореній Рафаэля, Тиціана, Рибейры, Леонардо-да-Винчи, Веласкеса и многихъ другихъ позднѣйшихъ иностранныхъ художниковъ.

Журналъ „Свободнымъ Искусствамъ“ — единственный въ Россіи дѣйствительно художественный органъ, издающійся по образцу лучшихъ заграничныхъ художественныхъ журналовъ: „The Studio“, „Figaro illustrée“, „Deutsche Kunst“ и т. п.

Превое мѣсто въ журналѣ отводится репродукціямъ съ лучшихъ произведеній искусства, хранящихся въ музеяхъ, частныхъ собраніяхъ Россіи и Европы и появляющихся на современныхъ художественныхъ выставкахъ, при чемъ часть ихъ будетъ воспроизводиться въ краскахъ faecimile. Журналъ печатается на высшаго качества мѣловой бумагѣ въ мастерскихъ поставщиковъ Его Императорскаго Величества Т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ.

Художественная жизнь, наша и иностранная, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ найдетъ себѣ полное и разностороннее отраженіе въ журналѣ и газетѣ. Вся текущая злободневная жизнь міра художественнаго, литературнаго, театральнаго и музыкальнаго найдетъ себѣ вѣрное, безпристрастное, но не безстрастное отраженіе и оцѣнку преимущественно на столбцахъ газеты „Противъ Теченія“. Вопросы, намѣченные въ программѣ предстоящаго всероссійскаго съѣзда художниковъ и архитекторовъ, будутъ всесторонне обсуждены и освѣщены на столбцахъ газеты „Противъ Теченія“.

Первый номеръ газеты „Противъ Теченія“ новаго подписнаго года вышелъ 17-го сентября.

Подписная цѣна на журналъ и газету:

на 1 годъ 8 руб., на 1/2 года 5 руб., на 1/4 года 3 руб., на 1 мѣсяцъ 1 руб. 50 коп. Допускается разсрочка; при подпискѣ 3 рубля, 1 февраля 3 рубля и 1 мая 2 рубля. Въ розничной продажѣ въ книжныхъ магазинахъ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ номера журнала по 1 руб. 25 коп.

Подробные иллюстрированные проспекты изданія по требованію высылаются бесплатно

Контора и редація: Спб., В. О., 4 линія, 23.

Редакторъ-издатель художникъ **Е. Р. Райхльдъ.**

